

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

ДОРОФЕЯ ЛАРИЧЕВА

ДОЧЬ
ЛЕДЯНОГО ЮГА

Дорофея Ларичева
Дочь ледяного Юга
Серия «Mystic&Fiction. Ветер мечты»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55308652

*Дочь ледяного Юга:
ISBN 978-5-907220-17-1*

Аннотация

За дружбу с чужаком шаман племени приговорил Танри к смерти, но ей повезло – ледяной демон Агых спас девочку и отправил на зеленую землю, отобрав память. Ей предстояло обрести семью, повзрослеть, расшифровать невнятные сны о прошлом и стать летчицей, чтобы однажды найти свою родину и любовь. А чужак, которого звали Бартеро, тем временем исследовал южный полюс родной планеты по приказу пришельцев со звезд – гатуров. Во льдах он обнаружил древний город и разбудил ледяных демонов. Но он не прекращал винить себя в исчезновении Танри, разыскивая ее по всему свету. И однажды нашел...

Содержание

Главные герои	6
Пролог	7
Глава 1	16
Глава 2	40
Глава 3	63
Глава 4	103
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Дорофеея Ларичева

Дочь ледяного Юга

Дорофеея Ларичева пишет в основном в жанре фэнтези. Лауреат литературных конкурсов «Новая детская книга», «Живой родник», «Листья дуба». Автор подростковой фэнтези-серии «Пилигримы» и романа «Эльфиния: Зачарованный город». Член Союза писа-

телей России. Живет в Брянске, преподает в техническом университете, кандидат экономических наук, доцент.

© Дорофея Ларичева, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Главные герои

Тинри – *Танира Комидари*, *Танри* – главная героиня романа, девочка, которую ледяной демон Агых увез с Данироль.

Арвисо Синард – «брат» Танри, обучается вместе с Танри в Воздушной Академии на пилота дирижабля.

Рофирт Бингар – сокурсник Арвисо, обучается вместе с Танри в Воздушной Академии на пилота дирижабля, влюблен в Танри.

Бартеро Гисари – куратор полярной экспедиции на Данироль.

Командор Ванибару – гатур, преподаватель Воздушной Академии.

Пролог

Они увозили ее прочь от дома, прочь от тех, кого она знала и любила. Поздно жалеть о чем-то, возврата не будет. Все решено раз и навсегда. И упряжка звездных псов давно бежит не по снегу, а вознеслась высоко над белой равниной. Чернеет вдали море, утихшее после сезона штормов. И льдины, отколовшиеся от неповоротливых туш айсбергов, слабо мерцают в свете полной луны.

Тот, кто правит упряжкой, не остановится, сколько его ни умоляй, ни проси. Высокая фигура, закутанная в песцовую шубу, темнеет впереди, держится за спинку саней. Даже страшно окликнуть его, страшно заглянуть в его лицо. Что там увидишь?

Мелодично звенят бубенцы больших, укрытых шкурами саней, но не убаюкивают, как хотелось бы, а озорно, словно напевая песенку, повторяют: «Тин-тин-ри, тин-тин-ри»... Почти как ее имя. Тинри. Тинримина, как звала ее бабушка, одну из пяти внучек, самую любимую.

Еще вчера Тинри жила в длинном доме. Он протянулся от горы Раненого Медведя до Желтого Камня. Древний, говорят, построенный во времена основателя их рода – Оленя, каменный дом состоял из семь раз по десять маленьких, пять раз по десять больших и девяти очень больших комнат.

Вначале семье Тинри полагались три большие комнаты.

Но когда отец с тремя братьями ушел в море и не вернулся, а разум жены младшего брата забрали к себе духи моря, комнат осталось две. Когда обзавелись семьями и покинули их три старших сестры, а мать выбрала жизнь в длинном доме Чайки, у семьи Тинри отобрали еще одну комнату.

Теперь же, когда Тинри уехала, ее родных вообще могут поселить в маленькой, или в очень большой общей комнате. Но ничего не изменить. Беззубый шаман на собрании рода бросил гадальные кости из рыбы ахак и заявил, что именно ее, Тинри, невзлюбили духи моря, и именно она виновна в том, что шторма не прекращаются так долго, а рыбацкие лодки гибнут одна за другой.

«Тин-тин-ри, тин-тин-ри», – звенят колокольчики, а созвездие Голодного Тюленя смотрит вниз в черные, не способные что-либо отражать воды. И холод цепкими щупальцами пробирается под медвежий мех. «Тин-тин-ри, тин-тин-ри».

Вспоминается большая полутемная комната, освещенная только пламенем очага, наполненная до отказа людьми. Весь род, за исключением совсем маленьких или немощных, ждет решения главы. А тот смотрит на лысого беззубого шамана, еще не старого, но очень страшного. В его пожелтевших от табака пальцах зажат маленький квадратик из тюленьей шкуры, на котором написано имя человека, прогневавшего духов. Понура молчат старейшины рода. Отводят взоры молодые охотники. Женщины глядят в пол. Одна Тинри смот-

рит на шамана. Ей интересно. Она недавно вступила в женский возраст, и ее впервые допустили на собрание. Она ощущает себя взрослой и важной.

Молчит глава. Молчат люди. И только шаман что-то бормочет на кусочек шкуры. Чадит очаг... Внезапно шаман резко разворачивает шкурку, смотрит на нее. Его глаза округляются. Он еще раз сворачивает ее и опять разворачивает. И словно рыбу-кусаку бросает в огонь.

– Она! – поворачивается шаман к Тинри. – Она неугодна духам!

Тинри оглядывается назад, словно прогневавшая духов стоит за ее спиной. Но подходит глава, берет девочку за руку и выдергивает из общей толпы.

– Верно ли ты понял послание духов, шаман? Она еще ребенок. Куда ей гневить высшие силы? – спрашивает Санак.

– Да, многомудрый. Духи указали на нее.

Санак задумывается на миг, а потом спрашивает ничего не понимающую Тинри:

– Выбирай, либо мы отдаем тебя в дом Песца, что на Зубастом мысе, либо отведем к людям с далекой земли, и ты уплывешь на большом корабле.

Он замолкает, оглядывая всех членов своего огромного рода. Те отводят глаза и ждут выбора Тинри. А она не знает, куда ей спрятаться. Над ней возвышается громадная фигура главы рода, рядом возмущенно сопит бабушка, не смея молвить слово в ее защиту. По стенам большой комнаты пляшут

огненные тени, пахнет дымом и тухлой рыбой.

– Я... – почти не слыша собственного голоса, пытается сказать перепуганная Тинри. – Я поеду...

– Многомудрый Санак, – вдруг перебивает ее беззубый шаман. – Духи моря подсказали мне, какое решение устроит их.

– Какое же? – поворачивается в его сторону глава рода Оленя.

– Девочку надо отвести к скале Мертвого Кита в день, когда котел луны наполнится до краев тюленьем жиром, и оставить там на ночь. Духи сами решат ее судьбу.

Все собравшиеся в большой комнате длинного дома шумят, ведь так поступают только в особых случаях, когда кто-то из членов рода теряет разум и становится буйным, или в дом приходит весенний мор и нужно откупиться жертвой. Но Санак поднимает руку, и шум стихает.

– Так будет! Согласен. Когда ночь полной луны?

– Через десять и еще четыре дня, многомудрый, – услужливо подсказывает беззубый шаман.

– А сейчас, Тинри, дочь Деразы, ты не должна покидать длинного дома.

Она плакала. Как она плакала! Но никто не пришел к ней на помощь. Да и кто сумел бы помочь? Бабушка стара и почти ничего не видит. Младшей сестре и десяти зим не исполнилось. А за стенами длинного дома скребется и ноет метель и беснуется море, швыряя на берег льдины и ледяную

крошку.

Если бы можно было передать весточку Бартеро, моряку со «Смелого», большого корабля, что стоит в заливе Долгого Уха! В заливе находится то, что люди с зеленой земли называют «база». База – это два десятка домишек, крошечных по сравнению с длинным домом. Внутри них есть множество странных вещей, о назначении которых девочка часто безуспешно размышляла.

На берегу залива также есть школа, куда главы родов приказали отдавать детей учиться грамоте. На ее трехэтажное здание бывалые охотники смотрят с удивлением. Они и представить себе не могли, что дома можно строить ввысь. Внутри даже в самые трескучие морозы в бочках зеленеют травы и цветут цветы! Учителя, люди с зеленой земли, рассказывают о своей жизни. Сказки, наверно, рассказывают. Про корабли, что летают по небу и плавают под водой, про дома до небес и дома на небе... А еще у учителей диковинные одежды. Хоть бы глазком поглядеть на зверей, из которых такое шьют...

В школе детям рассказывали, что когда-то их земля тоже была зеленой. Поколений семь назад... И этому Тинри верит, потому что из окна школы виден мертвый лес, куда ходят охотники долбить лодки... Правда, Тинри рассказала эту историю бабушке, а та заплакала, отругала внучку и приказала забыть то, о чем ей поведали чужаки.

Когда детей отпускали погулять между занятиями, Тин-

ри часто бегала смотреть на корабль. Там она и встречала Бартеро. Он угощал ее чем-то ярким и вкусным. Как же оно называлось? Курага – сушеные абрикосы! И еще он обещал увезти ее на зеленую землю.

– Повзрослеешь, выучишься. Через год я приплыву за тобой на большом подводном корабле. Он похож на кита. Только сделан из железа, – говорил он, и его голубые глаза блестяли. А Тинри все хотела потрогать его золотые волосы – настоящие ли? Точно солнышко!

– Меня бабушка не отпустит, – отвечала Тинри, а сама не верила, что кит может быть сделан из железа. Оно ведь такое дорогое! Но все равно ждала, что чудо случится. Все знают – скоро «Смелый» покинет залив. Останутся только люди на базе. Но через год, когда отшумят шторма, приплывет ее моряк. Он всегда выполнял обещания.

А может, врал он все, тот Бартеро? Но так приятно было слушать его рассказы. Важный он был, несмотря на то, что молодой. Все остальные моряки с ним почтительно здоровались. Даже самый главный на базе, капитан, и то уважительно головой кивал.

А когда она заговорила с ним и опоздала на урок, Бартеро сам отвел ее в школу и извинился перед учителями. Других бы отругали. А перед Бартеро стихли и сказали – с ним Тинри может сколь угодно долго задерживаться. Вот только как они его называли, девочка уже не помнила.

Теперь, вернувшись из ледяных земель, будет ждать ее на

берегу солнцеволосый моряк, а она не придет. Больше никогда. А другие дети скажут – Тинри унесли духи моря. Интересно, станет ли он грустить? Она точно будет.

Она пыталась ему сообщить. Санак побаивается людей с зеленой земли. Те покупают у рода тюленьи шкуры, оленьи рога и фигурки, сделанные из них, а также самую красивую вышивку. А взамен дают железо, табак, ткани и огненное оружие. Раса, младшая сестра, обещала передать просьбу о помощи Бартеро. Сумела ли? Она лишь раз появилась под дверью комнаты, где заперли Тинри. А потом Расу прогнали.

После была метель. Еле живую от страха Тинри везли на санях. Санак и шаман не спускали глаз с прогневавшей духов моря. У скалы ее привязали к мертвому дереву.

– Проси духов, чтобы помиловали тебя и завтра, когда мы вернемся, ты осталась жива, – «пожалел» ее глава рода.

Шаман только скалился беззубым ртом, словно желая сказать: ничего хорошего тебя не ждет. Еще никто не пережил ночь в этом месте. Даже такую короткую, как сейчас. Утром находили замерзшие или растерзанные белыми медведями тела, либо вообще ничего... Только обрывки веревки. И Тинри сама это знала.

Они уехали, а она осталась, привязанная, не способная пошевелиться. И холод медленно пробирался под медвежью шубку. Вначале стало покалывать пальцы на руках и на ногах. Потом ступни ног и кисти рук. Лицо щипал ветер, бросая в него пригоршни снега...

Тинри чувствовала – ледяной сон накатывает на нее, как волны на берег. Нет, она продержится до возвращения са-ней... Но пальцев на ногах и на руках она не ощущает. Может, так лучше – уснуть навсегда?

Колокольцы? Неужто Санак возвращается? Тинри делает над собой огромное усилие, чтобы повернуть голову. Не он. Люди с базы? Они ездят на собаках. Вон какие огромные белые псы летят сквозь метель! И светятся... Нет, ей кажется. Это все холод.

«Ты хочешь умчаться со мной?» – беззвучно спрашивают ее. Кто спрашивает? Псы еще далеко. И метель унялась.

– Куда? – едва разжав замершие губы, молвит Тинри.

«Туда, где тебе будет хорошо. Куда сама захочешь. Или тебе больше нравится здесь?» – так же беззвучно возникает в ее голове.

«На зеленую землю», – подумает девочка, уже не в силах что-то сказать.

«Хорошо, садись в мои сани», – отвечают ей.

И действительно, сани, запряженные десятком огромных собак, останавливаются. Человек, с ног до головы закутанный в песцовые меха, жестом указывает на место позади себя.

«Но я же связана? Как я смогу?» – спрашивает Тинри. И тут же путы спадают с нее. А по телу разливается тепло, словно ее долго отогревали возле очага.

«Садись. Мои звездные псы отвезут тебя на зеленую зем-

лю», – отвечает человек. Она устраивается поудобней на сиденье, закутывается в меха, и он командует собакам: «Поехали!»

Если бы она знала, что возвратившийся с ледника Бартеро опоздал совсем чуть-чуть. На полчаса. И она, Тинри, уже летела в упряжке звездных псов, когда он, без шапки, с развевающимися на ветру золотыми волосами, стоял у скалы Мертвого Кита и смотрел на непонятно откуда возникшие и неведомо почему обрывающиеся следы саней. А шаман, которого держали трое людей с зеленой земли, вырывался и скулил:

– Это духи моря! Или великий Агых со свитой грешников забрали-сссь ее за то, что она не соблюдала-сссь обрядов и водилас-сссь с такими, как ты! Агых! Точно Агых! Он иногда возвращается-сссь к нам, своим детям! Он забрал-сь! Он!

– Я сам сейчас тебя заберу! – прорычал Бартеро.

Куратор экспедиции снова и снова осматривал следы крупных собачьих лап и вглядывался в звездное небо.

– Если ты жива, маленькая, я найду тебя! – прошептал он наконец. – Пошли! – приказал он морякам.

– Господин Гисари, а с этим что делать? – спросили его про шамана.

– Бросьте здесь. Нам он больше не нужен.

Глава 1

250 год от прилета гатуров.

Виса

Арвисо впервые видел гатура. Ну да, конечно, те живут только в крупных городах и не снисходят до маленьких провинциальных, таких как Шанбаре. Гатуры вершат великие дела на небе, и только избранным и знатным семьям есть возможность их лицезреть.

Арвисо стоял, крепко сжимая ручку корзины и замороженно следил, как высокая фигура чужака скользила над мостовой на платто, маленькой дощечке, парящей в двух ладонях от земли. Красно-оранжевая одежда крупными складками спадала до основания платто, и Арвисо не мог разглядеть, действительно ли у гатура вместо ступней копыта, как говорили окрестные мальчишки и как считала няня.

Гатур двигался прямо на Арвисо, и мальчик отступил в тень. Только там он осмелился поднять взгляд на чужака. Тот действительно походил на человека: глубокие большие глаза, тонкий нос, широкий тонкогубый рот... Вот только кожа у него была ярко-розовой, а на голове из белой короткой шерсти поднимался красноватый гребень, как у петуха. А еще, говорят, у него должны быть крылья, но гатуры их почему-то прятали...

Арвисо перестал дышать, когда гатур поравнялся с ним и,

не удостоив наблюдателя взглядом, повернул за угол. Мальчик перевел дух и заспешил на рынок. У дяди сегодня гости. Надо купить зелени и специй. Няня и тетя Агнесс с утра возятся на кухне. Кузина Лиди присматривает за магазином.

«Интересно, кто сегодня придет? Вот бы это был папа! Нет, вряд ли», – поник головой мальчик. Отец уже два года не навещал его. Говорили, он уехал в дальнюю экспедицию, может, даже к гатурам. Но Арвисо знал точно, его отец в тюрьме. Он подслушал как-то разговор тетушки с дядюшкой. Мальчик верил – его отец не преступник. И вскоре это непременно выяснится. И отец вернется! Не через десять лет, а очень-очень скоро.

Мама сейчас нянчит двойняшек, его сестричек. Но няня говорит, что из-за своего нового хахаля о сыне она не вспоминает. А он тоже не вспомнит ее! Никогда!

Мальчик свернул из переулка Звездного на улицу Навигатора Тира и огляделся по сторонам. Дрена и компании не видно. Не придется обходить. Выискивая в брусчатке желтоватые камни, мальчик запрыгал с одного на другой. Испугавшись, что его увидят за таким детским занятием, приосанился и степенной, как он считал, походкой направился в сторону рынка.

Теплый ветер растрепал русые волосы Арвисо, пощекотал шею расстегнутым воротом белой рубашки, зашелестел вьюном на заборе и улетел блуждать по городским улицам, подглядывать в окна домов, где на подоконниках грелись тол-

стые пушистые коты и томились от жары горшки с фиалками и геранью.

Шанбаре походил на другие города государства-континента Висы. Двух- и трехэтажные домики с садиками и огородами мирно соседствовали с многоквартирными пяти-шестиэтажными зданиями, первые этажи которых занимали магазины и мастерские. Лениво распластавшийся по обоим берегам неспешно текущей среди низких холмов Симдии, он никогда не ведал зимы, ибо находился в теплых широтах.

В пяти часах езды от города шумели зеленоватые воды Герийского океана, преданной собакой ластаясь к ногам красавца Лиссарана – столицы Висы. Там находилась и Воздушная Академия, о которой грезил Арвисо, и еще много чего интересного, очаровывающего. Там гнездились ветра странствий, перешептывающиеся с желто-белыми парусами яхт. В портах, с трепетом в своих механических сердцах, ждали часа новых путешествий пароходы... Но в Шанбаре словно об этом не ведали, а спокойно грелись на солнышке. И чистенькие, оштукатуренные и покрашенные в желтый, розовый и молочно-шоколадный цвет дома в обрамлении садов навевали дрему.

К вечеру собрался дождь. Тетушка Агнесс расставляла на столе бокалы, а Вирия, няня Арвисо и дальняя родственница хозяйки, вытирала тарелки. Ветер гнул старую вишню во дворе, скрипел незапертой калиткой и грозился еще больше задержать дядюшку Джеральдо и его гостей, которых ожида-

лось трое.

– Это будут уважаемые люди. У них к нам очень важное дело. Если повезет, то даже два, – многозначительно улыбаясь, сообщил утром Джеральдо жене.

Агнесс, отлично зная, насколько важными могут быть гости у владельца магазина игрушек, не стала вдаваться в кулинарные изыски и решила зажарить гуся. Подумав немножко, она на всякий случай приготовила жаркое из баранины. А Вирия испекла чудный пирог с малиной.

На столе было множество закусок, салатов, но на Арвисо, оседлавшего высокий табурет, они не произвели никакого впечатления. Мальчик думал о встрече с гатуром, зато тетю и няню встреча не впечатлила. «Ну и что, что он был в городе. У чужаков свои дела. Не забивай себе голову всякой ерундой», – отмахнулась от него Агнесс. А Арвисо все не мог успокоиться. Он уже не раз пожалел, что спрятался в тень. Вот было бы здорово, если бы чужак заметил его и выделил как избранного, забрал бы учить своим небесным наукам! Тогда удивилась бы мама и гордился им папа!

Сквозь хлещущую в окна тьму пополам с дождем и ветром едва прорывались огоньки фонарей. Агнесс еще раз окинула оценивающим взглядом стол и направилась к зеркалу убедиться, не выбился ли соломенный локон из ее высокой прически. Разгладив тонкими пальцами складки на кремовом платье, коснувшись невзначай жемчужны в сережке, она осталась довольна собой и своим нарядом, подчеркивающим

ее высокую изящную фигуру.

Вирия, в отличие от компаньонки, была женщиной упитанной, но не грузной, невысокой, тоже светловолосой. Ее круглое лицо с ямочками на щеках постоянно улыбалось. И Арвисо считал свою няню доброй феей из сказок... если она не начинала ворчать.

Женщины отошли от зеркала, как за окном требовательно прогудел автомобиль. Агнесс распахнула дверь и впустила в прихожую четыре мокрые фигуры. Джеральдо привел гостей. На одном из них красовалась синяя с серебром форма навигатора небесного флота, двое других были летчиками.

– Арви дома? – поприветствовав жену, спросил Джеральдо. Агнесс кивнула. – Пусть спустится к столу. Я хочу представить его этим господам.

При виде гостей дядюшки у Арвисо перехватило дыхание, а у кузины Лиди чаще застучало сердце. Особенно из-за смуглого чернобрового летчика Сирино, чья желтая форма еще больше подчеркивала синеву глаз.

– Где ты с ними познакомился? – задержав мужа на пороге, шепотом спросила Агнесс.

– Они зашли в наш магазин. Им понравились модели самолетов, что делает Арвисо. Мы разговорились. Они все зывали меня на аэродром за городом. Но разве можно оставить магазин в самые торговые часы? В ответ я не мог не пригласить их к себе, – еще тише ответил Джеральдо, а Агнесс смахнула с рыжей бородки мужа капельки дождя. – К

тому же мальчик бредит небом. Вдруг что-нибудь получится?

Гости расселись за столом. Начавшаяся беседа ни о чем постепенно приобрела смысл. Чернобровый летчик Сирино переглядывался с рыжей Лиди. Арвисо обожающими глазами смотрел на навигатора, когда другой летчик, уже седеющий, но сильный мужчина с улыбочивым обветренным лицом спросил:

– Мне говорили, молодой человек, что вы хотели бы научиться летать?

– О да, господин! – от волнения не слыша собственного голоса, ответил мальчик.

– Я ректор Воздушной Академии и считаю, что через два года ты вполне мог бы попытаться к нам поступить. За это время, конечно, всякое может произойти, и ты десять раз можешь передумать и увлечься, скажем, архитектурой или чем-нибудь еще. Но если решишься, милости прошу. Твой дядюшка много о тебе рассказывал. Я видел модели самолетов и небесных кораблей, что продаются в магазине. Там, конечно, есть некоторые неточности. О них я уже сказал твоему дядюшке. Но для начинающего модели просто прекрасны.

– Спасибо, господин ректор! Я не передумаю! – покраснел Арвисо, осторожно вытирая взмокшие ладони о край скатерти.

– Думаю, из тебя выйдет прекрасный пилот, – серьезно

кивнул чернобровый.

– А теперь иди, Арви, уже поздно, – негромко сказал дядя.

В другой раз Арвисо закапризничал бы, но разве можно вести себя невоспитанно при столь замечательных гостях. И переполненный счастьем мальчик взлетел по лестнице. Он станет летчиком! Пока только летчиком. Но кто ему помешает потом выучиться на навигатора? Жалко, это случится через два года, когда ему исполнится пятнадцать!

Гости внизу еще беседовали с дядей Джеральдо, изредка доносился звонкий смех Лиди. А мальчик сидел у окна и смотрел на небо. В нем гуляли молнии. Словно грозди невиданного винограда, клонились они к земле. И в гроздовом сплетении воды, огня и ветра неспешно летел сияющий синими сигнальными огнями корабль гатуров. Наверно, он возвращался с их далекой небесной родины.

Арвисо проводил его восхищенным взглядом и уже завесил штору, как во дворе что-то сверкнуло, загрохотало. Мальчик вновь кинулся к окну. Молния подожгла старый каштан, который дядюшка Джеральдо второй год грозился спилить. Вот и гроза на помощь пришла.

Испугавшись, что огонь перекинется на другие деревья, а с них на дом, мальчик сбежал вниз, но дядюшка и гости уже знали о случившемся. Накинув плащи, они раскатывали длинный рукав шланга. По их команде Агнесс повернула вентиль, пуская воду.

Арвисо хотел было подойти поближе, когда Вирия вovre-

мя поймала мальчика за плечо.

– Стой! Не твое дело! – строго сказала она.

Каштан потушили быстро, и дождь помог. Но навигатор склонился куда-то к кустам шиповника, подозвал товарищей. И уже через полминуты они внесли в дом девочку.

– Откуда она? – ахнула Вирия, тут же позабыв про Арвисо. – Какая хорошенькая! И кто ее так странно вырядил?

Действительно, на девочке лет двенадцати-тринадцати были надеты меховые сапоги, теплые штаны (наверно, не одни, судя по толщине) и пара серых рубашек, расшитых зелеными камешками. Симпатичное, но очень бледное лицо обрамляли две толстые длинные черные косы.

– Маленькая какая! И худенькая! – ахала няня.

Пытаясь привести девочку в чувство, навигатор растирал ей виски и уши.

– Лучше послать за доктором, – сдался он через несколько минут. Но тут незнакомка открыла глаза.

– Слава богу! – вздохнула Вирия.

– Как тебя зовут? – по праву хозяина дома спросил дядя Джеральдо.

– Тинри, – прозвучало в ответ.

– Тинри... Наверно, Тириния или Танира, – предположила няня.

– Наверно-сь, – так же тихо ответила девочка, испуганно глядя на окружавших ее людей.

– Откуда ты? Где твои родители? – обнадуженная ответом,

продолжила Агнесс.

– Я... Я не помню-сь! – испугалась девочка и расплакалась.

– А как ты оказалась в саду? Что с тобой случилось? – спросил ректор.

– Не знаю-сь, – девочка испугалась еще больше.

– Хватит мучить расспросами бедного ребенка! – возмутилась Вирия. – Несите ее в мою комнату. Лиди, приготовь горячего чая с медом. Главное убедиться, что Тинри молнией не задело.

Так в доме Арвисо появилась Тинри. Вернее, уже Танира. Танри. Ее показали докторам, но те сочли девочку абсолютно здоровой. «Память со временем восстановится. Возможно, что-то ее напугало. Но мы бессильны ускорить процесс», – говорили врачи.

Ее расспрашивали сыскари, давали объявление в газету, разыскивая родственников. Бесполезно. Никто так и не понял, как она попала в сад к Синардам.

Осмотрев ее одежду, сыскари отчего-то решили, будто Танри могла быть бродяжкой и перед грозой стащить что-нибудь в сувенирной лавке. А может, девочка путешествовала с бродячими артистами? Тогда установить ее родню вообще сложно. Разве уследишь за всеми лицедеями?

Власти постановили отдать девочку в приют, но Вирия воспротивилась.

– Пусть у нас поживет. Я за ней буду присматривать. До-

ма, в заботе и внимании, она быстрее вспомнит, что с ней случилось.

Выяснилось, что Танри не знакома ни с водопроводом, ни с газом. Очень удивлялась цветам на лужайке и в городском парке. В первое время она немного боялась автомобилей, с воплем бросилась из кинотеатра, когда на экране возник конный экипаж, несущийся во весь опор прямо на зрителей. Но вскоре пообвыклась. И быстро завоевала сердца дядюшки Джеральдо и тетушки Агнесс. Даже Лиди, вначале прозвавшая Танри дикаркой, стала брать девочку в магазин помогать расставлять товар.

– Не первого чужого ребенка воспитывать, – вздохнула как-то Агнесс и наняла для Танри учителей, ибо девочка едва умела читать и писать.

Но училась она удивительно быстро, с немалым усердием и любопытством, и за год насыщенных ежедневных занятий почти догнала Арвисо по знаниям, экстерном сдавала школьные экзамены как приемная дочь Вирии.

Хотя со стороны казалось иначе, привыкала Танри к новой жизни с трудом. Все вокруг было новым и невиданным. Язык, на котором общались эти люди, приютившие ее и искренне пытавшиеся помочь, достаточно сильно отличался от того, на котором говорила она. Приходилось по пять-шесть раз переспрашивать, просить разъяснения незнакомых слов.

Да, ей нравился светлый, просторный дом с большими комнатами, с песочного цвета пушистыми коврами, свет-

ло-коричневыми шторами и широкими деревянными лестницами, покрытыми желтоватым лаком... Ее удивляла библиотека – комната, полная книг, портретов серьезных мужчин и женщин. Единственная комната в доме, выполненная в светло-зеленых тонах. Но для девочки она была притягательной еще и потому, что там стоял проигрыватель – ящик, под когтистую лапку которого клали тонкие черные пластинки, и тогда всю комнату наполняла необыкновенно красивая музыка.

Ей понравились духи-хранители этого дома, почему-то не показывающиеся его хозяевам. Их желтые, словно под цвет ковров, круглые, мохнатые тельца размером с кулачок быстро передвигались на коротеньких лапках вдоль стен и находили свой приют в гостиной под лестницей, где и была малюсенькая резная дверка в их мирок.

Все были дружелюбно настроены к Танри. Добрее всех оказалась Вирия, взявшая девочку под опеку.

– Была бы ты моей дочечкой... – все чаще вздыхала добрая женщина.

Арвисо, воспитанник хозяев дома, тоже казался Танри интересным и незлобным созданием. Правда, он не обрадовался ее появлению. Но вскоре перестал ревновать няню к чужачке. И начал рассказывать Танри о воздушных полетах и о самолетах.

– Они летают как чайки или альбатросы? – вдруг спросила она, и тут же подумала: «А откуда я знаю?»

– Да, только быстрее и выше, – не обратив внимания на проблеск памяти, сказал Арвисо. И показал ей модели.

– Вот этот «буревестник» с крытой кабиной. Он для разведывательных полетов. Это гидроплан. А это почтовый, он может летать через океан на очень большие расстояния. А это грузовик. У него четыре мотора, смотри...

Он указывал ей на приделанные к крыльям вертушки.

– А они сильно большие, эти самолеты? – спрашивала Танри.

– Да. Но дирижабли несравнимо больше. Они перевозят по две-три сотни пассажиров. Я однажды летал на таком, – он с гордостью показал девочке модель – пузатую, как сытая рыба, с маленькой коробочкой, прикрепленной под брюхом. Танри уже видела подобный в небе, поэтому не удивилась. – Я летал с дядей через Герийский океан, – продолжал Арвисо. – Со Спиры, западного континента, сюда, на Вису. От мамы. Целых четыре дня летели! – мальчик погрустнел, вспомнив о матери, но не стал ничего рассказывать Танри.

– А что это? – Девочка взяла в руки не очень симпатичную по сравнению с самолетами и дирижаблями модель, похожую на расплющенный браслет с желтыми стеклянными бусинами на внешней стороне.

– Это небесный корабль гатуров, – произнес Арвисо и, видя, что девочка нуждается в разъяснениях, продолжил: – Двести пятьдесят лет назад они прилетели со звезд, остановили грозящую Земле катастрофу, отведя комету. Они изме-

нили климат планеты, переместив ее чуть дальше от солнца, изменив наклон оси. Теперь они частые гости на нашей земле. Они наши учителя. Они прекратили смутные времена и войны. Они запретили забрасывать камнями изобретателей и жечь на кострах художников и талантливых врачей. Они объединили страны на всех континентах, кроме Гери. Они ввели единый язык и деньги. Лучших людей они берут в свой звездный дом на Сириусе и учат небесным наукам. И тогда те становятся навигаторами и получают право управлять их кораблями!

Голос Арвисо восторженно дрогнул. О, мальчик знал, как ему казалось, все о Сириусе и полетах к его второй планете, откуда и происходили гатуры. Он регулярно ходил в публичную библиотеку, брал мемуары навигаторов и читал, читал, читал... Он грезил небом и был абсолютно уверен, что однажды его допустят до межзвездных путешествий.

* * *

Она долгое время чувствовала себя чужой в гостеприимном доме Синардов. К ней хорошо относились. Вирия любила ее, как... Как кто? Как мать? Нет. Девочке почему-то казалось, что матери у нее не было, или она была не такой. Между Танри и ее прошлым высилась непробиваемая стена. Но что-то все же просачивалось сквозь узорчатую ткань сновидений.

Еще ей часто снился корабль под снегом: потемневшие от дыма трубы, тяжелые якоря, борта с облезлой краской... Вот только названия его она никак не могла прочесть. Что-то было связано с этим кораблем. Что-то важное. А она в который раз не приблизилась хотя бы на шаг к этой тайне. Сев на кровати, Танри расплакалась. Кто она? Почему она здесь? Что за загадку хранит ее прошлое?

Прошло уже больше года, как она поселилась у Синардов. Сколько лет ей самой? Почему-то она была уверена, что пятнадцать. Но Вирия считала, что не больше четырнадцати. «Ты такая маленькая, щупленькая... Не спеши взрослеть», – говорила она, хотя Танри почти догнала по росту Арви. Четырнадцать так четырнадцать. Тем более, как теперь знала Танри, будь ей пятнадцать, Вирии не позволили бы ее удочерить и отправили бы девочку в приют на три года обучаться нудной рабочей профессии.

Танри смирилась. Но каждый раз, когда ей снился заснеженный корабль, беспокойство надолго поселялось в ее душе.

Девочка вытерла слезы, оделась и спустилась вниз. В гостиной, за столиком у окна сидел Арвисо и мастерила маленький дирижабль.

– Нравится? – спросил он не оборачиваясь, втайне ожидая похвалы.

– Очень, – честно призналась Танри. – Научи меня делать такие же, – вдруг попросила она.

– Зачем? – удивился мальчик. – Это не девчоночье занятие. Вышивай и вяжи, как Лиди. Пирог пеки, как няня!

– Тогда выполни мою просьбу, – Танри ожидала такого ответа, поэтому не обиделась. – Если я нарисую корабль, ты смастеришь его для меня?

– Корабль? – удивился Арвисо. – Зачем он тебе?

– Он снится мне. Большой корабль под снегом. Водный корабль, не небесный.

– Снится? – оживился мальчик. – Ты вспомнила его, да?

– Может быть. Я не уверена, – пожала плечами девочка, присаживаясь рядом и расправляя постоянно мнущееся длинное голубое платье. – Порой мне кажется, что еще чуть-чуть, и я вспомню, кто я, что здесь делаю. Можно? – Она указала на альбом и карандаш.

– Конечно, – ответил Арвисо.

Танри вначале с опаской, а потом все более уверенно стала рисовать. Ей показалось, она умела это делать и раньше. Линии выходили четкими. Безымянный палец смело размазывал штрихи, смягчая контуры, создавая тени. И вот уже на бумаге корабль красовался как настоящий. И мачты, и трубы, и даже антенны и перила были четко прорисованы. А вокруг внезапно пролегло усыпанное льдинами море, деревянная постройка на берегу, лодка, плывущая к кораблю...

Танри уже потянулась грифелем, чтобы написать название корабля, как что-то щелкнуло в ее голове. Нет, не помнит она! Только что помнила, а сейчас нет.

– Все! – она отложила карандаш и протянула листок Арвисо.

– Вот это да! – восхищенно вымолвил он. – Здорово ты рисуешь! И столько времени ты молчала!

– Я не знала, – вздохнула Танри. – Если бы я вспомнила, как он называется...

– Но ты уже что-то вспомнила! И это отлично! – упорствовал Арвисо. – Надо сказать дяде. Он может помочь. Вдруг у него есть знакомые моряки? Если они узнают корабль...

– Ледокол, – вдруг сказала Танри. – Это был ледокол! Он колот лед!

– Тем более! – обрадовался мальчик. – Пойдем к дяде.

Идти было недалеко. Магазин находился через два квартала в трехэтажном светло-коричневом доме. Из стеклянной витрины на прохожих снисходительно взирали кокетки куклы с фарфоровыми лицами и кудрявыми головами. Их пышные платья из яркого шелка притягивали к себе взгляды. Рядом стояли игрушечные авто, кареты, пушки и самолеты, сделанные Арвисо.

Войдя в прохладный полумрак магазина, посетитель попадал в пленительную и таинственную страну детства. Взрослый мир за дверями на время переставал существовать или хотя бы терять яркость и привлекательность.

С потолка на нитях свисали диковинные птицы, самолеты, дирижабли и небесные корабли. На столах раскинулась железная дорога, и заводной паровозик с тремя вагончика-

ми бегал под мостиками мимо сигнальных будок и деревьев с тряпичными листьями. На полках высоких стеллажей громоздились ящики с солдатиками, кубиками, маленькими дешевыми куколками, пищалками, а также всякой мелочью вроде свистков, приспособлений для мыльных пузырей, детских украшений, маскарадных масок и прочего, прочего, прочего... И в игрушечном мире безгранично властвовали двое: Джеральдо Синард и его дочь Лиди.

Они были похожи: отец и дочь. Оба высокие, рыжеволосые, веселые. Обоих интересовала коммерция. Лиди в неполные семнадцать лет уже разбиралась в счетоводстве, помогала отцу с отчетами, интересовалась игрой на бирже. И это несмотря на то, что она чудесно шила, вязала, вышивала, играла на фортепьяно и пела.

– Что случилось? Отчего вы такие взволнованные? – спросил Джеральдо, выходя из-за прилавка и поправляя очки.

– Вот! – Арвисо протянул дяде альбом. – Танри вспомнила и нарисовала!

Джеральдо и подошедшая Лиди долго рассматривали ледакол.

– А что-нибудь внутри корабля ты помнишь? – наконец спросил дядя.

– Нет, – отвечала Танри. – Ничего и никого.

– Хорошо. Я схожу в обед в одно место. Есть у меня старый знакомый. Его сын, правда, по рекам плавает, но вдруг через него что-нибудь выясню, – Джеральдо положил альбом

в кожаный портфель. – Сдается мне, Танри, ты дочь моряка. Это многое объясняет. И твое недостаточное образование, и твое поведение вначале. Думаю, ты выросла на корабле, и отцу некогда было думать о твоём воспитании. Не удивлюсь, если выяснится, что ты разбираешься в картах и морской навигации или говоришь на иноземных языках, например, на герига.

– А вдруг ты узлы морские вязать можешь? – добавила Лиди.

– Верно, дочка, – одобрил Джеральдо. – Повспоминай, Танри. Посмотри на карты, сходи к реке. Вдруг поможет?

– Да, дядя, – послушно ответила девочка. Она была рада. Она столько времени переживала, мучилась домыслами, а дядя так быстро и легко до всего додумался!

Вдвоем с Арвисо они побежали к реке. Она и раньше была на набережной Симдии, но теперь девочка осматривала каждую деталь, вдыхала сырой речной воздух, спускалась к самой воде, едва не потеряла туфлю, когда, устав, присела на причал и свесила ноги вниз.

Но ни коричневатые воды Симдии, ни запах рыбы в порту, ни тёплый местный ветерок не навеяли девочке никаких, даже самых смутных воспоминаний. Прошлое не пускало к себе.

Дети вернулись перепачканные, усталые и недовольные. А дома все уже ждали их возвращения.

– Прояснилось что-нибудь? – кинулись к ним с расспро-

сами.

– Ничего, – ответила Танри. – Кроме того, что мой отец не плавал по речкам. Мне порой кажется – у меня не было отца, – добавила она тише. – Но я ничего не помню! Ничего! Только этот корабль. И снег, – она чуть не плакала. Ей было очень обидно, что дядина идея про отца-моряка не оправдалась и день прошел впустую.

– Может, корабль связан с каким-то событием из прошлого или с потрясением? – взяла девочку за руку Агнесс.

– Не помню! – расплакалась Танри. – Извините.

И она убежала в свою комнату.

– Опять девочку расстроили! – тоже расстроилась за свою воспитанницу Вирия, уходя ей вслед.

Прикрыв за собой дверь, Вирия присела на кровать, на которой рыдала Танри.

– Все образуется, вот увидишь. Доктора сказали, память вернется. Она уже возвращается, просто не надо ее торопить, – утешала она приемную дочь, глядя ее по длинным черным волосам.

– Я хочу и боюсь своего прошлого, – отозвалась сквозь рыдания Танри. – Кем я была? Мне стыдно вспоминать то, как я вела себя вначале. Может быть, узнав правду, вы выгоните меня из дома!

– Что ты говоришь, маленькая? Как ты можешь думать о нас так! – ужаснулась Вирия.

Арвисо, подкравшийся к двери, осмелел и вошел внутрь,

встав за спиной няни.

– Танри, – сказал он. – А знаешь, что я думаю про тебя? Это необязательно должно быть так, но вдруг...

– Что? – Рыдания утихли. Девочка повернула к нему раскрасневшееся лицо.

– Ты – дикарская принцесса. Тебя похитили пираты, чтобы потребовать выкуп. А ты сбежала с корабля. А одета ты была так, потому что для тебя наш климат слишком холоден. Ведь у тебя на родине еще большая жара.

– Пираты? На ледоколе? – рассмеялась Танри сквозь слезы. – Но за принцессу спасибо.

С того дня Танри повадилась в дядюшкину библиотеку, где было собрано много книг про путешествия морские, и воздушные, и просто пешие. Она все чаще рисовала то, что видела вокруг себя, или то, о чем прочитала. Но иногда, если девочка не задумывалась над сюжетом, на бумаге возникали лица людей, смутно казавшиеся знакомыми. Один такой портрет Танри повесила в своей комнате рядом с изображением ледокола.

Когда Вирия спросила, кто это, Танри пожала плечами и ответила: просто получилось. Но на самом деле этот человек внезапно стал появляться в ее снах с завидным постоянством.

– Где ты? Откликнись! – звал он ее.

А Танри просто смотрела на него, тщетно пыталась вспомнить имя. Девочка подолгу стояла перед портретом, вглядыв-

ваясь в такие знакомые и в то же время чужие черты лица.

У незнакомца был высокий лоб, длинный прямой нос с узкими ноздрями, красивые внимательные глаза под густыми бровями, резко очерченный рот, подбородок с ямочкой посередине. И светлые прямые волосы, выбившиеся из-под высокой меховой шапки и доходящие до плеч.

Человек с портрета казался молодым, но в нем чувствовалась сила. Такой не обидит сам и не даст в обиду другим. С ним хорошо и надежно. И еще вокруг незнакомца опять была зима. Длинная черная пушистая шуба оберегала его от неприятливо-холодного ветра.

– Что-то важное случилось с тобой именно зимой, – взглянув на рисунок, заметил как-то Джеральдо. – Вспомнила бы ты что-нибудь более существенное, не просто образы, – он перевел взгляд с портрета на Танри. – А знаешь, он похож на тебя. Не внешне. Но что-то в вас чувствуется общее. Как его звали? – он указал на светловолосого.

– Бартеро, – вдруг прошептала Танри. – Бартеро! Он всегда ждал меня...

Она замерла, пораженная этим открытием. Книга памяти распахнулась перед ней на случайной странице и вновь захлопнулась. Дядя терпеливо выжидал, боясь сбить Танри с мысли. Но та вновь погрузилась.

– Его звали Бартеро. Он был моряком на корабле, – она указала на ледокол. – И он учил меня рисовать. Все!

– Значит, ты какое-то время жила там, где очень холодно,

там, где бывают долгие зимы. Пошли, – дядя позвал Танри за собой.

Он привел ее в библиотеку и достал атлас.

– Где это могло быть? – он провел рукой по области Северного полюса. – Ледокол... – задумчиво пробормотал он. – Значит, не просто зима. Это могло быть на севере Герии. Но это так далеко от нас! И люди там желтокожие. А ты светленькая. Или, возможно, ты побывала на юге, на каком-нибудь из островов Сонного архипелага, что находится возле ледяной земли Данироль. Здесь мог останавливаться твой ледокол.

– Если полететь туда? – спросила Танри. – Вдруг я вспомню остальное?

– Возможно, – вздохнул Джеральдо. – Но туда не летают дирижабли. А нанимать его ради поисков незнамо чего невероятно дорого. Я надеюсь, ты сама вспомнишь.

– А если нет? – с неожиданной силой в голосе спросила Танри. – Если это все, на что я способна? Нет, дядя. Я не могу так больше жить. Я хочу вспомнить все! И я вспомню!

– И что ты предлагаешь? – заинтересовался Джеральдо, краем глаза заметив, как на пороге библиотеки замерла Вирия.

– Я знаю, что делать. Я поеду поступать в Воздушную Академию вместе с Арвисо. Я стану летчиком и облечу всю землю. И найду свою родину, какой бы она ни оказалась!

– Девушки не становятся летчиками! – ахнула возмущен-

но Вирия.

– А я стану! – непоколебимо ответила Танри и, прошептывая мимо приемной матери, вышла из библиотеки.

– Это все Арвисо. Это он заразил ее своими самолетами, – вздохнула женщина.

– Нет, Вирия, – покачал головой Джеральдо. – Просто ей тесен наш дом. Если она действительно выросла в море, в четырех стенах ее не удержишь.

– Я не отпущу ее! – В голосе женщины проскользнули визгливые нотки. – Я не для того удочерила ее!

Я всегда мечтала о дочери! Я устала лить слезы по сыну, который не вспоминает обо мне годами. Он уехал и ищет счастья где-то на Спире. Я только успокоилась, обрадовалась... А моя Танира улетает, словно лист с дерева по осени...

– Но так всегда бывает, Вирия, – Джеральдо положил руку ей на плечо. – Ты не удержишь ее. А если будешь упорствовать, вы поссоритесь. Тогда ты потеряешь ее навсегда, даже если заставишь неотлучно быть рядом. Смирись и отпусти. Если она поймет, что небо не для нее, вернется.

– Но я... – всхлипнула женщина.

– Подожди. Танри молода. Ей хочется свежих ветров и острых ощущений. Она сильная. Ей никто не причинит вреда, если она сама этого не позволит. А она не позволит. Вирия, мы живем в прогрессивное время. Девушка вполне может стать летчиком. Вспомни перелет Виржинии Лео через

Ночной океан!

Вирия вздохнула.

– Хорошо. Пусть едет. Но мне будет очень больно.

Она понуро вышла из библиотеки. За ней последовал Джеральдо, абсолютно уверенный – через месяц-другой девочка напрочь забудет о сегодняшних высказываниях. Как бы не так...

Глава 2

252 год от прилета гатуров.

Два года с момента прибытия Танри на «зеленую землю».

Виса

Вещи собирали все вместе. По случаю отъезда Тани и Арвисо в Академию не открывали магазин. – Тебе непременно нужно взять то синее платье, – упорствовала Лиди, хозяйничая в шкафу Танри. – Ты в нем такая красивая и серьезная! Учителя будут сражены и примут тебя, едва ты переступишь порог.

– Да что ты, дочка, – возражала Агнесс. – Разве можно надевать выходное платье на собеседование? Танри, возьми лиловое с белым воротничком.

– Фи! В нем она будет смотреться служанкой! – возмутилась Лиди. – Пусть лучше розовое наденет.

– Чересчур легкомысленно! – сухо заметила Вирия. Она сердилась на свою приемную дочь, не желая смириться с ее решением, но все же хотела, чтобы та выглядела лучше всех. – Послушай меня, надень зеленое. Оно с твоими глазами сочетается. Я чудесные авантюриновые серьги к нему отдам. И кулон. И колечко. Будешь смотреться куколкой!

– Поторопитесь. Мы с Серино уже заждались, – постучался в двери Джеральдо.

– Сейчас, – сердито сказала Вирия и вручила приемной

дочери зеленое платье.

Делать было нечего. Чтобы не расстраивать мать, Танри надела его, хотя самой ей было по душе красноватое, цвета заката. Но при таком обилии советчиков кто спрашивал ее мнения? Хотя собственное отражение в зеркале ей понравилось.

Домашние духи-хранители, подкравшиеся понаблюдать за подготовкой к отъезду, довольно светились, свесив со шкафа коротенькие лапки. Знать бы, что за перемены в жизни дома и его обитателей они чувствуют. Перед свадьбой Лиди и Серино они беспокойно катались под ногами, шкодили Вирии на кухне, путая соль и сахар, перемешивая корицу и молотый перец. Перед сдачей Танри и Арвисо выпускных экзаменов в школе, они чаще обычного съезжали по перилам лестниц... А сейчас они крадутся за Танри по пятам, дергают ее за подол платья, словно предостерегая. От чего?

За окнами едва занялась заря. А ехать надо в столицу, в Лиссаран. Пять-шесть часов на машине по душным, пыльным дорогам среди всхолмленных равнин.

Проведя два года в доме Синардов, Танри уже представить себе не могла иной жизни. В последние месяцы ей казалось, будто она родилась здесь, будто она действительно дочь Вирии. Глядя на шумных соседских детей, она придумала себе счастливое детство, полное маленьких тайн от взрослых и больших открытий. Даже магазин игрушек стал ей близок. Казалось, она была готова работать в нем всю жизнь, смот-

реть на улыбочные лица детей... Она почти согласилась с доводами Вирии остаться дома.

Что она делает, подчиняясь внезапной прихоти, а может быть, воле судьбы, уезжая из уютного дома в большой незнакомый мир? Ледокол и моряк Бартеро ей уже не снились. За новыми впечатлениями они поблекли, выцвели, как выцветает фотография, долго пролежавшая на солнце.

Она повзрослела. На нее заглядывались парни. Старая учительница человековедения убеждала ее пойти в медицинскую школу... А Танри захотела летать. И уже не из-за потерянного прошлого, а просто ради неба. Ради ощущения свободы, о котором столько рассказывал ей Арвисо, а потом и Сирино.

– Пойдем, дочка. Нельзя так задерживать мужчин, – вырвала ее из раздумий Вирия. – Экзамен начнется в полдень, а нам еще добраться надо.

Светло-коричневые шторы всколыхнулись ей на прощание. Желтые стены дома в зеленом кружеве листвы словно шептали «до свидания». Арвисо в белой рубашке и в коричневых штанах стоял у новенького автомобиля, поблескивавшего в свете только-только появляющегося на горизонте солнышка.

Джеральдо и Вирия отправились вместе со своими воспитанниками. Автомобиль вел Сирино. Сонный Шанбаре провожал их завешенными окнами, цветущими круглый год садами. А когда проехали город, им отсалютовали на проща-

ние гордо тянущиеся к небу кипарисы.

Убаюканная дорогой, Танри уснула, опустив голову на плечо уже дремлющей Вирии, чтобы к десяти утра быть разбуженной дядей Джеральдо, ибо впереди лежал Лиссаран.

О, на столицу Висы обязательно следует посмотреть! Многоголосый, разноязыкий город, вечно молодой и дерзкий, он одновременно напоминает и юнгу, ссаженного на берег за неповиновение капитану, и кокетливую смуглую красавицу с черными, как южная ночь, волосами и ветреной душой.

Лиссаран раскинулся на скалистых холмах, и потому вы не найдете в нем ни одной ровной улицы. Многочисленные обрывы и трещины в земле соединены мостиками и мостами. Все дороги выются, изворачиваются, словно усики винограда. Да и сам виноград, и дикий, и окультуренный, норовит обвить городские постройки. Густая зелень: пальмы, кипарисы, магнолии и черешня заполонили сады. Белые дома с красными и коричневыми черепичными крышами сами словно светятся под жарким южным солнцем.

И фонтаны! Невозможно сосчитать, сколько фонтанов в Лиссаране, маленьких и больших! Вокруг них всегда полно людей, особенно ближе к полудню, когда жара становится невыносимой. Фонтаны вы можете отыскать и в заросших акациями и ежевикой тихих двориках, и на прямоугольных площадях, «огороженных» великолепными богатыми домами, и на набережной, где всегда полно народа, где без пере-

рыва звучит музыка, толкаются бродячие циркачи, художники, торговцы всякими безделушками, а также шулеры, во-ришки и гадалки.

Танри и Арвисо смотрели во все глаза. А Вирия только тяжело вздыхала, представляя, сколько соблазнов будет у ее воспитанницы, поступи она в Академию.

А потом их взорам предстало море, усыпанное бисером лодочек и радостно приветствующее всех желающих парусами яхт. И сердца будущих летчиков были покорены навсегда.

Дорога, петляя, покинула центр города и повела автомобиль на окраину, где за металлическим забором и акациями возвышалось светло-зеленое пятиэтажное здание старой постройки, в котором и располагалась Воздушная Академия. Вокруг него громоздились трехэтажные белые коробочки общежитий.

Оставив родственников и друзей за металлическим забором, кандидаты в студенты проходили по парку, поднимались на второй этаж Академии и собирались в огромной полукруглой аудитории с розовыми стенами.

– Только бы ее не взяли, – вздохнула Вирия, проводив глазами свою приемную дочь. – Только бы она осталась со мной!

– Теперь все в руках всевышнего, – отозвался Джеральдо.

...Пятнадцатилетние юноши и девушки расселись на длинных скамьях просторной светлой аудитории. Девушек было очень мало, и они держались стайками, нервно хихикали и поглядывали на парней.

– Не ходи к ним, – боясь лишиться хоть какой-то поддержки, обратился к Танри Арвисо.

– А я и не собиралась, – девушка присела на скамью. – А как будет проходить собеседование?

– Не знаю, – шепнул в ответ Арвисо. – Сирино не захотел рассказать.

– А я знаю, – встрял подсевший к ним рыжий мальчишка, не стесняясь разглядывавший Танри. – У меня брат несколько лет назад поступал. Они при входе брали школьные документы. Сейчас выберут, кто им больше понравился, а остальных выгонят.

– А потом? – не переставал волноваться Арвисо.

– Потом не знаю. Брата выгнали, – ответил рыжий и подмигнул Танри.

Он хотел еще что-то сказать, но тут в аудиторию зашли трое. Среди них выделялся седой высокий мужчина с узким обветренным лицом, добрыми зелеными глазами. Носил он черный строгий костюм и бледно-зеленую рубашку. Артур Кризо – ректор Воздушной Академии. Его хорошо знали и Танри, и Арвисо. Он был на свадьбе Сирино и Лиди. Он сочувствовал девочке и всячески ее подбадривал.

С ним была немолодая, тощая, смуглая, горбоносая женщина в форме навигатора, и высоченный гатур в зеленом плаще.

– Мы счастливы, что все вы готовы у нас учиться, мечтаете о небе. Но, к сожалению, мы не в состоянии принять всех

желающих, – не поприветствовав молодежь, начал ректор. – Поэтому сейчас госпожа Виржиния Лео огласит список тех, кого мы отсеем на первом этапе.

– Виржиния Лео!!! – зашумела потрясенная аудитория.

– Она первая в одиночку над Ночным океаном на одноместном самолете пролетела! Двадцать пять лет назад! А теперь она навигатор! – с восхищением в голосе просветил Танри рыжий мальчишка.

– Тише. Знаю! – шикнула на него девушка.

Зазвучал длинный список фамилий. Низкий грудной голос знаменитой летчицы беспристрастно перечеркивал чьи-то мечты о небе. Около двухсот человек встали и покинули аудиторию. Но ни Танри, ни Арвисо среди тех несчастных не оказалось. Впрочем, как и рыжего.

* * *

– А теперь я попрошу оставшихся по одному выходить сюда, к нам. Уважаемый господин Ванибару, – ректор указал на гатура, – проведет второй этап отбора. Давайте начнем с первого ряда.

У Танри с Арвисо на их восьмом из пятнадцати рядов было время понаблюдать за происходящим. Но ничего удивительного не происходило. Претенденты на поступление в Академию должны были играть в гляделки с гатуром. Мало кто выдерживал его взгляд более полминуты. Мало кого Ва-

нибару признавал годным.

Настала очередь Арвисо. Бледный, на негнущихся ногах он спустился вниз и подошел к чужаку. И щиплющий, продирающий до пяток холод разлился во всем теле от невыносимого взгляда красных с синими искрами глаз с коричневым продолговатым зрачком.

«Я выдержу! – шептал про себя Арвисо. – Я стану навигатором!»

Мальчику показалось, что гатур услышал его мысли, ибо губы чужака насмешливо искривились.

Не говоря ни слова, гатур указал рукой на счастливую дверь. Допущен!

У самой двери юноша замер, ибо перед Ванибару уже стояла Танри. Казалось, она нисколько не боится. И, о чудо, гатур первым отвел глаза, как-то сразу став меньше ростом, и глухо произнес:

– Годна.

– Ура! – обрадовался Арвисо, едва девушка вошла в комнату счастливых. Танри только улыбнулась.

А потом настал черед третьего, последнего испытания. Виржиния Лео вышла к немногочисленным оставшимся.

– По вашей учебе, по вашим личностным качествам, вас признали годными к полетам, – заговорила она. – Но теперь успокойтесь и еще раз подумайте – ЗАЧЕМ ВАМ НЕБО? Что вы от него хотите получить? Знаете ли о риске, который связан с этой профессией? Я сама четырежды падала, горела,

ломала руки и ноги. Столько костей переломала! Я сама не раз готова была отречься от выбранного однажды ремесла.

Она обвела светлыми серыми глазами притихшую молодежь.

– Здесь, в Академии, романтика заканчивается. Вас ждет рутина тренировок, зубрежка теории. «Ах, небо!» – восклицаете вы. Потянете ли вы монотонные почтовые или пассажирские перевозки из города А в город Б? День за днем, год за годом! Вы выдержите? Не будет ли вас мутить от одной мысли о том, что нужно залезать в ненавистное ржавое или не очень корыто и летать, летать, летать? Мне известны десятки человек, которые спились от этой безысходности, слишком поздно осознав – небо не для них!

Она приподняла за подбородок светловолосую девочку, словно обращаясь только к ней.

– Учиться у нас очень трудно, – произнесла Виржиния тише. – Отсев в течение первого года большой. Дисциплина суровая все годы. Может быть, вам стоит попробовать себя на более мирных и интересных профессиях? У нас специально испытания проходят чуть раньше, чем в других учебных заведениях, чтобы дать отсеявшимся шанс поступить куда-нибудь еще. Подумайте. Даю вам десять минут, – она вновь повысила голос. – А затем мы начнем вызывать вас для личной беседы. Вам предстоит убедить нас, что без вашей кандидатуры весь воздушный флот – просто ни на что не годный металлолом!

Она вышла, оставив в аудитории только молодого летчика. Тот шелестел списками, изо всех сил старался быть серьезным, но все же улыбка, как солнышко из-за туч, проглядывала на его лице. О чем он думал? Арвисо решил – летчик вспоминает, как поступал сам. Ну да, теперь, с высоты жизненного опыта, смешно наблюдать за волнениями юнцов!

Арвисо задумался. Что он скажет? Ему было важно просто летать. Его завораживали прекрасные металлические конструкции, скользящие среди облаков. Он расскажет об этом! И о том, что, сколько себя помнил, мастерил модели. Он и сейчас взял с собой несколько. Вдруг они убедят строгую комиссию?

Он посмотрел на Танри. Та сидела, закрыв глаза, погруженная в свой мир. Она встрепенулась, ожила только тогда, когда летчик вызвал ее.

– Танира Комидари!

Танри достался сам ректор. Он с улыбкой посмотрел на девушку.

– Ну что, путешественница, вспомнила что-нибудь? – спросил он.

– Вы же знаете, господин Кризо, почти ничего, – опустила она глаза.

– А сюда почему решила поступать? Твоя приемная мать ждет от тебя карьеры врача. Ты за компанию с племянником Джеральдо?

– Нет, – смутилась Танри. – То есть и это тоже. Просто я

очень хочу отыскать свою родину. Она где-то на севере. Или на юге. Рядом с полюсом. Наверно...

Она видела, как ректор очень внимательно слушает ее. Испугавшись, что сказала недостаточно в защиту избранной профессии, продолжила:

– И еще самолет – это свобода. Ни корабль, ни автомобиль, ни поезд не могут быть такими свободными. Им вечно мешают то моря, то реки, то горы! А самолетам они не помеха! Весь мир принадлежит самолетам! Знаете, что мне иногда представляется? Я вижу, как я лечу над снежной равниной, над морем, утихшим после бури, над скалами и айсбергами. Ночь, но вокруг так светло, что можно вышивать. Светит полная луна, и звезды яркие-яркие. И метеоры. Их длинные хвосты вытягиваются на полнеба... Я лечу и чувствую, что создана для чего-то большего, чем просто домашний уют! Я хочу летать, господин Кризо!

– Север... Полярный летчик... Не женское это дело, – в замешательстве пробормотал ректор. – Девочек у нас обычно учат на медсестер и стюардесс дирижаблей.

– Пожалуйста! – взмолилась Танри.

– Я подумаю, посмотрю, – смягчился Артур Кризо. – Спрошу, что скажет наш командор, господин Ванибару, и тогда решу, по какой специальности тебя зачислить. Но на медсестру или стюардессу в дирижабле можешь рассчитывать смело. Зови Синарда, если он еще не попал в цепкие коготки Виржинии.

Но Арвисо уже попал. К гатуру. И вдохновенных речей о красоте самолетов и небесных кораблей оказалось недостаточно.

– У вас мало шансов, молодой человек, – заявил тот Арвисо. – На эту специальность я вас не возьму ни в коем случае! У вас нет способностей, чтобы стать навигатором, как вы мечтаете. Летчиком дальней авиации тоже вряд ли. Мне не нравятся ваши реакции. Вы слишком медлительны. Пожалуй, вам подойдут дирижабли.

Команда там большая. Летят они долго и медленно, зато надежно.

Арвисо вышел из комнаты, убитый горем.

– Что случилось? Тебя не взяли? – испугалась Танри.

– Лучше бы не взяли! – Арвисо привалился к стене, изо всех сил пытаясь сдержать слезы. – Он сказал, что мне только на дирижаблях летать!

– Но ведь ты любил дирижабли! – удивилась Танри.

– В навигаторы берут только из летчиков! Из асов! Мне всю жизнь быть воздушной крысой!

– Подожди, – принялась утешать его Танри. – Главное, что ты поступил. А дирижабли... Меня, скорее всего, определяют туда стюардессой. Будем летать вместе.

– Дирижабли? Здорово! – Над ними возник рыжий. – Мне тоже обещали дирижабли. Лети себе, не заморачивайся, наслаждайся, как внизу красиво! Лео грозила мне почтой, но я, кажется, ее упротил. А там как гатур скажет.

– Ты действительно считаешь, что дирижабли – не плохо? – с надеждой в голосе спросил Арвисо.

– Конечно! – обнадежил его рыжий. – Ты подожди еще конечный результат. Уже скоро объявят. Знать бы, насколько они укомплектовали дирижабельное отделение в прошлые вступительные дни... Но надеюсь, мы будем учиться вместе! – Он повеселел. – Я знаю, тебя звать Танри, а тебя Арвисо Синард. А я Рофирт. Рофирт Бингар.

Наконец, всех «выживших» при отборе вновь собрали в большой аудитории. И сам ректор зачитывал результаты.

– София Марес. Медслужба.

Вздых облегчения.

– Виктор Свенс. Дальняя авиация.

Тихое «Да!»

– Мирен Награс. Диспетчерские курсы.

Смех.

– Арвисо Синард. Дирижабельное воздухоплавание.

– Рофирт Бингар. Дирижабельное воздухоплавание.

...

– Стефан Виридоре. Почтовая служба.

– Марина Тоур. Медслужба.

– Танира Комидари. Дальняя авиация.

– Ого! Ничего себе!

– Встань, покажись!

– Как Виржиния Лео!

– Да не стесняйся же! Нам тоже интересно!

Все взоры обратились на вставшую Танри. Девчонка в дальней авиации! Это ж надо!

Танри дождалась, пока ректор кивнет ей, мол, садись уже. И никто не обратил внимания, что гатур старался не смотреть в ее сторону. Но девочка этого не почувствовала. Она была ошарашена и одновременно счастлива.

– Как тебе удалось? – Арвисо и Рофирт подозрительно уставились на нее.

– Не знаю. Я просто рассказала, как я вижу себя в небе. И все!

– И все?! Говори теперь! – подмигнул ей Рофирт. – Знаю я, как ты туда попала. Глазки ректору состроила, он и не выдержал!

– Почему сразу «глазки»? – почти обиделась Танри. – Может, я действительно подхожу для неба как никто другой?

– А мы... – начал Арвисо.

Но договорить им не дали. Объявление результатов закончилось, и счастливые студенты Академии принялись поздравлять друг друга.

В шестой день приема их было сорок девять человек.

Потом была встреча с измотанными тревогой близкими, новая порция охов и ахов, поздравлений, восторгов и хвастовства, поход по магазинам за подарками и отдых в кафе.

...За их столик принесли кофе и пирожные.

– Представляешь, я вначале испугалась гатура! Он такой странный, высоченный! – постоянно вытирая испачканный

кремом нос, рассказывала Танри. – А он оказался совсем не страшным.

– Он, скорее, занудный, – вспомнив что-то свое, поморщился Сирино. – Его занятия лучше не пропускать. Так же как у Лео и Лореса. Но командор Ванибару еще хуже.

– Поверить не могу, что командор будет вести у нас занятия! – удивился Арвисо.

– Он уже не летает. Гатуры тоже в отставку выходят. Кстати, и Лео в отставке. Недавно. Она у нас последний год только вела, – рассказывал молодой летчик.

– Мне она не понравилась, – проворчал еще расстроенный Арвисо. – Игатур этот...

– Зря ты расстраиваешься, – пожал плечами Сирино. – Дирижабельщиков больше, чем почтовиков, уважают.

– Я тоже так думаю, – согласилась Танри. – А помнишь, как Рофирт...

Вирия вышла из кафе на улицу. Пока ее подопечные подкреплялись, по пятому разу захлеб пересказывая Джеральдо и Сирино все вступительные страсти, она решила размять ноги перед обратной дорогой.

Предвечерняя жара усилилась, горячие камни мостовых отдавали накопленное за день тепло. Вирия спустилась по узенькой лестнице на набережную к фонтану.

Вокруг с гиканьем носилась ребятня. Прислонившись спиной к фонарю, босой лысый старик в полосатых бело-синих парусиновых штанах вытягивал на скрипке заунывную

мелодию. И Вирии стало грустно. Сейчас она поняла, что в один миг лишилась обоих воспитанников.

Она присела на скамью и устремила невидящий взгляд на море. В голове неожиданно всплыли строки Фредерика Надара, любимого поэта Танри:

*Мои сновидения холодны и зыбки,
как бабочек стая над темной водою
озер, в грустных чащах осеннего леса.*

*И тени спускаются к водам глубоким
моих озарений и песен забытых,
несбывшихся грез и любви, погребенной
под грузом сомнений, обид и неверья.*

*Легенды слагают над водами ныне
МОИ СОЖАЛЕНЬЯ.*

«Вот и мне только сожаления и остались, – думала она. – Сын непутевым вырос, бродягой. А дочь захотела летать. И я ничего не могу с ними сделать. Ни-че-го!»

– Эй, мать, что-то стряслось? – Чернявый усатый морячок тронул ее за плечо.

– Нет. Все хорошо. Просто очень жарко, – очнувшись, ответила Вирия. Капелька пота стекла из-под волос по щеке в подтверждение ее слов.

Морячок не спешил уходить, улыбнулся женщине, потом

обвел взглядом переполненную людьми набережную.

– Красивый у вас город. А я вот через час уплываю. Представляешь, напрямик к Сонному архипелагу! Каково из такой жары в холодное море, где полным-полно айсбергов!

– Да, – вяло ответила Вирия.

– Знаешь, мать, я тебя хочу спросить, – замялся морячок. – Друг моего капитана одну девочку потерявшуюся ищет. Она сейчас уже должна быть взрослой. Ей лет шестнадцать быть должно. Мне некогда было ходить по городу, выспрашивать. Может быть, ты ее встречала?

Морячок вынул из нагрудного кармана свернутый листок.

– Посмотри.

Вирия взглянула и обомлела. Ее Танри! Танира! Такая, какой она попала в дом Синардов! И даже шапка та же!

Рисунок был выполнен карандашом, но очень искусно. Не узнать девочку было невозможно. Вирия только на миг представила, как моряк увозит ее Таниру, как она теряет свою приемную дочь навсегда... У пожилой женщины закружилась голова.

– Вам, наверно, все-таки плохо, – засуетился морячок, ибо Вирия покачнулась. – Давайте, я вам платок в фонтане намочу!

– Нет, не надо. Я лучше пойду в тень, – пробормотала женщина, возвращая моряку листок. – А девочку... Нет, не встречала.

– Тогда счастливо оставаться, – парень встал. – Пожелай

мне счастливого пути!

– Счастливого пути, – словно эхо отозвалась Вирия.

Как в бреду, почти ничего не видя перед собой, она поднялась по ступенькам, дошла до кофейни. И замерла на пороге, через стекло витрины разглядывая весело щебечущую приемную дочь.

«Бог мне просит. Я не могу потерять ее окончательно!» – прошептала она и куда более твердым шагом направилась к столику.

* * *

Танри сама не понимала, как ее приняли в Воздушную Академию на отделение дальней авиации. Арвисо забрасывал ее вопросами. Сирино и тот удивлялся.

– Девушка в дальних полетах? Насколько я знаю, до тебя их было четверо. Виржиния Лео – самая известная. Обычно девчонок если и берут самостоятельно летать, то только на короткие внутриконтинентальные рейсы, на наших, людских моделях. Тебе же предстоит изучать технику гатуров.

Вирия обиженно молчала, поджимая в ниточку губы, отчего Танри было не по себе. Уж лучше бы ругала! Но отказываться от такого подарка судьбы, пусть и ради матери, девушка не собиралась.

Осознав в полной мере, что она действительно зачислена в Академию, да еще на самое удивительное отделение, она

летала без самолета. Сердце сладко замирало в предчувствии чего-то чудесного, волнующего. Еще бы, большинство дальних летчиков так и продолжали летать от континента к континенту. Но самые талантливые со временем становились навигаторами и водили небесные корабли среди звезд. О чем еще мечтать?

– Будете два месяца учиться, неделю отдыхать. Я стану приезжать за вами, – заверил молодежь дядюшка. Вот только как дожидаться, когда настанут эти первые два месяца учебы?

* * *

Она собрала вещи за три дня до отъезда. И теперь оставалось совсем чуть-чуть подождать, чтобы оказаться в Лиссаране.

Еще раз обойдя комнату, девочка сняла со стены свои рисунки: портреты новой семьи, картины с ледоколом и моряком Бартеро. Странно, ей больше ничего не вспоминалось. Но отчего-то она твердо знала – в ее прошлом было не слишком много радости.

Собрав все листки, девушка положила их и «Дикое сердце ветра», книгу стихов Фредерика Надара, поэта-командора, как говорилось в предисловии. Командора? Ну и пусть ими бывают только гатуры! Зато стихи словно написаны про нее, Танри. Девушка открыла закладку с одним из своих любимых:

*Тебе, моя нежность, отдал бы полмира,
Ведь есть у тебя половина другая.
Ты только поверь – есть одна неизбежность:
Мы встретимся вскоре. Я верю. Я знаю.*

Знать бы, кому он их посвятил? И вообще, хорошо бы познакомиться с этим гатуром...

*Я глаз этих грустных запомнил сиянье.
Его прозрел я сквозь сны одиночеств.
Тебе ожерелья, тебе одеянья
Из вьюг я сплетал все полярные ночи.*

А пишет, словно полярный летчик! Где ты летал, прежде чем тебе доверили звездные путешествия?

*Я ждал, ты вернешься. Искал, но напрасно.
И плакали скрипки, как чайки над бездной.
Но кто-то сказал непреклонно и властно,
Что ты только сон. И искать бесполезно.*

«А если меня кто-то ищет? – подумала Танри. – Нет, если бы искали, давно бы нашли!»

Она захлопнула книгу. Ее кто-то подарил дядюшке Джеральдо, и та валялась в магазине среди отчетности, счетов и бланков заказов, пока ее не обнаружила Танри. Стоило прочесть пару стихотворений, и перед глазами сразу вставала

линия горизонта, изрезанная оледенелыми горами, и собачья упряжка, несущаяся по волнистой снеговой равнине...

Кто-то отвлек Танри. Она обернулась. Маленький духхранитель залез в ее приоткрытый чемодан и юркнул в ворох платьев.

– Что это ты? – Она поймала его за лапку и вытащила на стол.

«Не езд! Тебе грозит опасность!» – ответило пушистое существо.

– Какая? – удивилась Танри.

«От него».

– От кого «него»? – еще больше запуталась девочка.

«Того, чей портрет висел на стене».

– Почему ты так решил?

«Портрет изменился. Раньше от него веяло спокойствием, потом тоской, а теперь безысходностью».

– А при чем тут я?

«Ты уезжаешь. Мы боимся».

– Чего?

«Что он сделает тебе больно».

– Но ведь я даже не знаю его!

«Вы встретитесь. Не знаем, как скоро».

– Но ведь это здорово!

«У него неприятности. Он ищет тебя. Ты его спасение. Он слабее тебя».

– Так, маленький, – Танри погладила светящееся тельце

духа-хранителя. – Не запутывай меня. Я уезжаю. И вам меня не переубедить.

«Будь осторожна!» – ответил ей дух, и его свечение поблекло. Пальцы девушки встретили пустоту. Дух исчез.

– Нет, я просто в восторге! – вздохнула она. – Вначале все считают, будто я очаровала ректора. Потом мама дуется без причины. А теперь еще и это!

Но разве можно отказаться от ТАКОЙ МЕЧТЫ? Даже если все против! О, так острее и волнительней смотреть на мир. Тем более что тебе пятнадцать лет, по документам. И впереди вся жизнь. И небо! И ее Бартеро. Ее? С чего она так решила?

В дверь постучали.

– Не заперто, – сказала Танри, забравшись с ногами в кресло.

В комнату осторожно вошел Арвисо. Он сел рядом на стул и молча уставился на свои руки.

– Ты все дуешься? – спросила девушка.

– Уже нет. Я долго думал и понял: дирижабли – тоже хорошо. И Сирино убедил меня. Буду возить людей и грузы. Это же все равно дальние полеты. Буду летать на Спиру, на Герию... Дирижабельщик – действительно уважаемая профессия. Буду полагаться на волю ветров и надежность техники...

– Я рада, что ты доволен, – обрадовалась Танри. – Я переживала за тебя, Арви.

– Правда? – Арвисо помолчал, но набрался храбрости и задал давно волновавший его вопрос:

– Когда нас гатур испытывал, скажи, что ты почувствовала?

– Надо подумать, – удивилась девочка. – Кажется, мне стало его жалко.

– Жалко? – поразился Арвисо?

– Да. Он на чужой планете. Его тут не любят, а только терпят. Каково ему? Он не похож на нас! А что?

– Нет. Просто, когда меня испытывали, мне показалось – он у меня в голове копается и каждую мысль слышит.

– Может быть, – отозвалась Танри. Ей понравился командор Ванибару. Арви перед собеседованием пугал девушку гатурами. Но Ванибару не был страшным. От него не веяло безразличием к людям, как делился своими впечатлениями об учебе в Академии Сирино.

Сколько себя помнила, Танри всегда чувствовала людей, которым можно довериться. И Ванибару казался одним из них, несмотря на то что не был человеком.

– Я пойду, – видя, что его собеседница витает где-то далеко, сказал Арвисо и оставил девушку наедине с ее размышлениями и мечтами.

Глава 3

Спира

В холле Управления Мореходством было шумно, многолюдно, пахло табаком и кожей... По новому закону собственники крупных кораблей должны были переоформить документы. Но Гисари свернул в узкий коридор, прошел мимо десятка кабинетов, чтобы подняться по мраморной лестнице на третий этаж. Там молодого инженера ждали гатуры – его наставник Наридано и адмирал Фегинзар.

Завидев симпатичного полярника, секретарша покраснела, растерянно развела руками и сообщила:

– Господин Гисари, адмирал просил перенести встречу на полдень.

Что же, два с половиной часа в запасе – просто уйма времени. Бартеро вежливо поблагодарил девушку и направился к выходу. Не просиживать же, в самом деле, в душной приемной.

У ступеней, покрытых красно-коричневой дорожкой, Бартеро столкнулся с начальником Управления. Возвышаясь на позолоченном платто, давний враг куратора неприязненно поежился и потребовал отчета:

– К кому и по какому вопросу?

Игнорировать требование третьего по значимости гатуры Земли было невозможно, и Бартеро, аккуратно подбирая

слова, ответил:

– Мне назначил встречу сам Фегинзар по поводу полярной экспедиции.

– И чего тебя во льды тянет, можешь, наконец, мне дать внятный ответ? – не отставал гатур, нависая над молодым инженером. Бартеро попятился, пока не уперся спиной в перила.

– Вы же видели съемку со спутника, – проклиная, что пришел раньше назначенного срока, отвечал куратор экспедиции. – Еще до перемещения Земли на Висе и Спире была обнаружена жизнь, на остальных материках – нет. А потом на замерзающей Данироль нашли свежие руины городов высокоразвитой цивилизации.

Лет пять назад Бартеро наткнулся на распечатки старой орбитальной фотосъемки – еще до уничтожения кометы, – где тревожным бордовым цветом были помечены заселенные людьми районы. Данироль на картах выглядела безжизненным куском суши.

Завороженный этой загадкой, юный ученик приставал к учителям с расспросами, но те отвечали непонятно, запутанно. А наставник Наридано и вовсе заявил: «Раз интересно, съездил бы да посмотрел сам».

И выпускник гатурьей школы потихоньку начал готовиться к поездке: изучал литературу, беседовал со специалистами, подготавливал почву... И наконец, пришел в Управление Мореходством с предложением исследовать древние культу-

ры, погибшие при перемещении Земли.

Начальник Управления Мореходством – Марминар – раздраженно отмахнулся, сочтя сию идею в высшей степени неразумной. С тех пор, как гатуры изменили земной климат, на Данироль вечные льды. А вот на морском дне, когда через полторы сотни лет население Земли утроится и займет всю сушу, можно будет организовать поселения, разработкой которых следует заниматься уже сейчас.

– Человек вы умный. Идите в мою команду, – предложил тогда гатур. – Со дня на день нам выделяют средства. Едва поступит финансирование, будете руководить одним из перспективных подводных проектов.

Разочарованный Бартеро отказался. Но внезапно на его запрос обратил внимание сам адмирал Фегинзар. Он поддержал инициативу молодого инженера, параллельно свернул проект подводных поселений. Так новоиспеченной куратор экспедиции на Южный полюс приобрел заклятого врага.

– Что с того? – презрительно бросил чужак, склоняя голову к правому плечу и буравя молодого человека змеиным взглядом. – Прошлое есть прошлое. Мы не виновны в их гибели, сам знаешь. Зато ты, – красный острый коготь уткнулся в грудь инженера. – Ты будешь повинен в том, что через двести-триста лет на перенаселенной планете негде будет жить!

– Мне нечего вам ответить, – смело глядя в лицо начальнику, произнес Бартеро.

– Нечего, – передразнил гатур. – У тебя один из высших

допусков к использованию гатурьей техники, в том числе оружия, ты прекрасно разбираешься в таких вещах. Не надо быть провидцем, чтобы понять – Фегинзар ищет оправдания перед Союзом Мстящих, а заодно не прочь пожить чужими технологиями. Смотри, Гисари, я за тобой внимательно слежу. И знаю о ваших делишках на полюсе гораздо больше, чем сам адмирал, – прошипел Марминар, запахнул полы белого с голубой окантовкой плаща и полетел прочь.

Бартеро проводил его взглядом и перевел дух. Ничего он не знает, этот дылда на летающей досточке. Он не был там, не ступал по желтой брусчатке размороженного города.

Странно, что гатуры не рвались на Данироль ни двести пятьдесят лет назад, когда спасали Землю от грозящей ей кометы, ни теперь. Тогда, как гласят учебники, чужаки применили гравитационное оружие, отводя смертоносное небесное тело на безопасное расстояние, но нарушили вращение самой планеты. Та крутанулась вокруг своей оси, сбилась с курса. Гатуры выправили орбиту, погасили волны цунами, уняли разбушевавшиеся смерчи и бури, помогли обустроить жизнь выжившим в катаклизме. А единственную технически развитую цивилизацию не рассмотрели, будто той не было вовсе.

А теперь спохватились. Или тогда нарочно не заметили, кто теперь разберется? После шести с половиной месяцев, проведенных на ледяной земле, инженер мог поверить во что угодно.

Мистика началась, едва добрались до первых домов. Чего только стоили сны о гибнущих в волнах опустевших городах, об огромных птицах, падающих на мерзлую землю от холода и бескормицы! А найденная в проплавленном в леднике каменная женская голова высотой с четырехэтажный дом? Голова, в которой погиб их археолог Исар.

Бартеро вспомнилось утро его гибели, когда улеглась бушевавшая два дня метель и рабочие, вооружившись тепловыми пушками, спустились в проплавленный ледяной котлован очищать желтую брусчатку от наметенных сугробов, освобождать из плена ледника новые строения замороженного города.

Тем спокойным утром в маленьком сборном домике командование экспедиции неторопливо завтракало. С тихим гудением работали обе электрические печи. Потрескивая металлическим корпусом, голосом бронхитного больного сипел и кряхтел генератор, жалуясь, что срок его службы истекает, а самонадеянные люди, забравшиеся в самый холод, не желают давать трудяге отдых. Шторы в желто-серую полоску, призванные разграничить помещение на комнаты, сейчас были раздвинуты и колыхались в потоках теплого воздуха. Яркая лампа над дверью давала достаточно света, так что единственное маленькое окошко над кроватью Висерна осталось заставленным.

Бартеро разливал травяной чай по стаканам, наслаждаясь его летним ароматом. Из герметичных упаковок уже был из-

влечен хлеб, нарезан сыр...

– До чего же выносливые существа – люди, – словно озвучил с утра ночные видения Эдвараль – завхоз экспедиции, усаживаясь на табурет и приглаживая черную бороду, доходящую ему почти до пояса.

Завхоз, как всегда, выбрал себе самые большие куски сыра, запихнул между ними хлеб, сверху водрузил плитку шоколада и пустился в рассуждения, умудряясь при этом жевать.

– Почти всю Данироль покрывает ледник, а они сумели выжить на узкой полоске земли у моря, ловить какую-то уцелевшую дичь, летом выцарапывать ягоды и корешки, – продолжал он. – Оленей, песцов и прочую живность им завезли с самой Герии, когда у местных все околело.

– Как они вообще выкарабкались? – охнул впечатлительный Висерн – экспедиционный врач.

– Даже гатуры удивились, – Эдвараль потянулся за чаем. – Уже семь лет здесь работает благотворительная миссия. Детишек учат грамоте, лечат тех, кто разуверился в шаманах.

– А что у них раньше обитало? – поинтересовался Висерн. – Я совсем не знаю истории этого края.

– Один нечистый знает. Ты что, в школу не ходил? До пятнадцатых широт пекло было. Выйдешь на солнышко – ойкнуть не успеешь – обуглишься. Экватор вообще считался краем земли. О Данироль знали только по рассказам горстки безумцев, умудрившихся на крытой сверху лодке пройти по-

яс смерти, – просветил его Эдвараль. – С прилетом чужаков все перевернулось. Непригодные для жизни Виса и большая часть Никсы стали раем, Данироль покрылась льдами, отчего из океана поднялись острова.

– Когда чужаки Землю передвинули и люди, вдохновленные высадкой гатуров на Спире, отважились на дальнейшее путешествие, там уже царил ледник, – добавил Бартеро.

– Простите, я не знал, – смутился Висерн, по точеному красивому лицу пробежала тучка задумчивости. – Нам в медицинской школе преподавали только историю ближайшей сотни лет.

Он вскрыл пакет с мясными консервами и, дабы не пачкать посуду, принялся подгрести ложкой прямо из фольги.

– Что-то сегодня наш археолог рано ушел, – не прекращая жевать, заметил он.

– Он даму каменную разморозить пытается. Любопытно ему, что в ее черепушке, – Эдвараль отодвинул чашку и потянулся. – Выходим, а то метель начнется. Опять ничего не успеем.

Одевшись, они покинули уютное укрытие, чтобы встретиться с обжигающим ветром. Благо на такую погоду у них имелись маски.

Рабочие расширяли котлован, расчищали дома, покрытые двадцати-тридцатиметровым слоем льда. Вниз вместо веревочной лестницы уже вели проплавленные во льду ступени. Проступали освобожденные от многолетнего плена фасады

четырёх зданий. Еще три снаружи были очищены целиком.

Каменная голова серебряно поблескивала покрывающими ее металлическими пластинами, издали казалась живой, красивой той холодной красотой, что скорее отпугивает мужчин, чем привлекает. С еле заметной горбинкой нос, большие глаза, высокие скулы, волосы, мягкими волнами доходящие до брусчатки. Сразу видно, с конкретного человека лепили, то есть строили.

Внутри головы пробивался Исар Мивен, официальный археолог экспедиции. Взобравшись по лестнице-серьге, он вошел через дверь в ухе и углубился в заледенелые коридоры.

Еще несколько рабочих размораживали внутренности другого здания: круглого, пятиэтажного, сужающегося кверху, с декоративной башенкой на крыше.

Бартеро направлялся к ним посмотреть, как идут дела. Вопль Исара, долетевший из «каменной дамы», остановил его.

Эдвараль с Висерном переглянулись и бросились к голове, но Бартеро неожиданно для себя крикнул:

– Стойте!

И вовремя. Металлические пластины, скрывающие глаза-окна каменной незнакомки, со скрежетом поднялись, и струи ярко-зеленого огня ударили в пасмурное небо. Нечто белесое, дымчатое, размытой кляксой вырвалось наружу вслед за ними и, жалобно тренькнув, точно случайно заде-тые струны скрипки, растаяло, осыпав собравшихся ледяной

крупой. По зданию прошла судорога, и снег со льдом, еще остававшиеся на каменных волосах, бровях и крыльях носа, с шипением испарились.

Перепуганные рабочие уставились на руководителей, но Бартеро, чувствуя, что ничего сверхъестественного больше не предвидится, первым побежал к каменной голове. Нечего ему, куратору, прятаться за спины товарищей. Как бы чего мерзостного не приключилось с этим домом-памятником. Помедлив пару секунд в нерешительности, Эдвараль, Висерн и двое рабочих последовали за шефом.

Внутри, в проплавленном коридоре под ногами печально хлюпала вода. Желтый свет фонарей извивался и петлял в лабиринте, тщетно ища выход. Ага, вот и то, что искал археолог – овалный металлический люк в шершавой темной стене – сейчас приоткрытый. Снизу оставалась широкая лазейка, но Бартеро все равно подергал за боковой рычаг. Шипя, люк послушно пополз вверх.

– Нехилая техника у них была! – уважительно присвистнул Эдвараль.

Они ступили в просторный темный зал, полностью свободный ото льда. Рабочие, не сговариваясь, включили дополнительные фонари. Желтоватые лучи вспыхнули, дробясь на радужные искры в выпуклом узоре, змеящемся по стенам. Из центра высокого сводчатого потолка шестью лучами расходились стеклянные трубы, вероятно, некогда служившие погибшим хозяевам источником света, а сейчас мерт-

вые, мутные, пыльные. Впрочем, откуда здесь пыль, в замурованном на столетия здании?

– Больше похоже на мастерскую или на музей, чем на храм, – заинтригованный врач склонился над разложенными на длинном столе украшениями и непонятными предметами. – Ребята, вдруг это приборы? – удивленно произнес он, опасаясь прикоснуться к чему-либо.

– Какие тебе приборы! Исар! Иса-а-ар! – Голос Бартеро сухой шелухой рассыпался по пустовавшим два с половиной века помещениям.

– Нет его тут. Я осмотрюсь, что да как, – Висерн осторожно направился к дальней двери, поманив за собой рабочего.

Бартеро, заметив винтовую лесенку в углу, поспешил туда. За ним, шумно дыша, затоптал Эдвараль, для порядка поторапливая второго рабочего.

– Куда ты фонарем светишь! Хорош глазеть, человек пропал, а ты точно на экскурсии! – ворчал неугомонный завхоз.

Жутко тут. Голоса звучали приглушенно, аукались простуженным эхом. От стен тянуло холодом похлеще, чем на равнине во время метели...

– Исар! – в который раз закричал инженер.

Тишина. Нет, кажется, слышен стон – слабый, точно последний вздох.

– Холодно! Как же мне холодно! – прошелестело вдали.

На втором этаже, у самой промерзшей, заледеневшей стены, под сосульками, щедро свисавшими с потолка, распла-

стался археолог, широко раскинув руки, неестественно подогнув под себя ногу.

Бросившиеся к нему товарищи с ужасом увидели – лицо бедняги обморожено, кожа растрескалась, а руки, особенно пальцы, превратились в лед и уже не разжимаются, вцепившись в рукоять переносной тепловой пушки.

– Исар, что произошло? Потерпи, мы тебя вынесем! – забормотал перепуганный Бартеро, стаскивая с рук перчатки и пытаясь расстегнуть ворот Исаровой куртки.

– Нет! – едва шевеля кровотокающими губами, просипел несчастный. – Бойтесь. Я выпустил ЕГО, а он спалил меня холодом. Он узнал, что путь открыт и вырвался. Бойтесь безлищега...

Он захрипел и потерял сознание.

– Скорее в тепло, – Бартеро подхватил Исара под мышки.

Они еще надеялись его спасти. И только в домике, освободив тело от теплой одежды, поняли, – их товарищ превратился в звенящий кусок льда.

– Точно тушка цыпленка, неделю пролежавшая в морозилке! – не постеснялся в выражениях завхоз. – Одно не смекну, как он промерз насквозь за какие-то пятнадцать минут, пока мы его искали? Что за дрянь его так заморозила? – недоумевал Эдвараль.

– Скорее, кто, – пробормотал Бартеро. – Кто-то, обитавший в ледяном здании. Последние слова Исара были про безлищега.

– Брось, ты, часом, не переохладился? – Висерн уставился на него с нескрываемым удивлением. – Никто не протянет столько лет подо льдом без еды и воздуха.

– Я готов поверить во что угодно. Даже в то, что данирольцы могли делать железных помощников – роботов, как и гатуры. Ты пневматический люк в тот музей вспомни, – Бартеро задумался. – У местных с побережья есть легенды про безлицых грешников...

– Их ты у своей невесты малолетней наслушался? Иди-иди, она тебе еще не такого расскажет. Она умеет. Глазищи зеленые вылупит – точно стрекоза...

– Не трогай девочку, – тихо шикнул на него куратор. Он упрямо боролся с глупыми суевериями в команде, но сегодня сам им поддался. – А еще перед тем, как голова выстрелила, я словно почувствовал, будто кто-то меня взял за шкирку и удержал на месте. А потом... – он замолчал, вспоминая белую тень. Нет, про нее говорить не стоит, друзья не поймут.

Вот он и молчал. Как промолчал в отчетах, как врал в лицо гатурам. Те слишком серьезно относились к его экспедиции, а чего конкретно ждали – сами не могли сформулировать.

Бартеро очнулся от воспоминаний и с удивлением обнаружил себя на смотровой площадке башни Согласия. Его взгляду открывался почти весь Равидар, столица Спиры, медленно спускающаяся к Герийскому океану.

Высотные дома с коническими крышами, круглая белая башня центральной библиотеки, четырехъярусная пирамида Управления Мореходством, праздничные арки, ограничивающие автомобилям въезд на двенадцатигранные площади и золотой купол храма, единственного выстоявшего за двести пятьдесят лет колонизации... На самом высоком холме в дождевой дымке угадывались островерхое здание планетария и высокие причальные мачты, над одной из которой зависла темная туша дирижабля...

Год за годом в городе оставалось все меньше домов, построенных по людским проектам. Непривычная архитектура гатуров вытесняла простенькие, но уютные домики, придавая улицам иногда праздничный, иногда кичливый, но всегда чуждый вид. Гатуры меняли город, как и самих людей, соприкасавшихся с ними так или иначе. Да и останутся ли простые люди через век-другой при таких усилиях инопланетян?

Бартеро не любил Равидар. Впрочем, по-настоящему свободным он себя чувствовал на Южном полюсе. Гатуры почему-то побаивались ледяной земли и предоставляли ее освоение людям. Естественно, контролируя их.

«Зачем? – снова и снова задавался он вопросом. – Зачем мы им? Охота им была прилетать на чужую планету, столько лет возиться с воинственным, тогда еще таким невежественным народом? И отчего их интересует самый южный континент? Неужели Марминар прав, и моя основная задача – по-

иск утерянных людьми технологий?»

Вон как историки оживились после его прошлого путешествия, горы научных трудов написали, в экспедицию напрашивались, о славе грезили. Впрочем, как и политики. В адрес гатуров все чаще звучали обвинения, они-де погубили величайшую культуру человечества.

Но чужаки быстро утихомирили недовольных, все стихло. А в Равидаре стало одним музеем больше.

Инженер бросил взгляд на именные часы – подарок самого адмирала. Полчаса до полудня. Самое время возвращаться в Управление Мореходством за бумагами на очередное плавание «Смелого». Пора добавить экспонатов в музей.

Он спустился с башни и зашагал по улице.

– Покупаем, не проходим мимо! Утренний «Пульс Спиры»! «Еженедельник Равидара»! «Рассветный вестник»! – во все горло кричали мальчишки, размахивая пахнущими типографской краской газетами.

– Адмирал высказался против снижения налогов!

– Утренняя пресса! Орlando Жисас обвиняет земного наместника в коррупции!

– Убит Костоправ Свен – самый кровавый из мафиози побережья! Начнется ли война между бандами?

– На острове Мирд бастуют шахтеры! Свежие новости!

Газетчикам вторили торговки булочками – аппетитными, румяными. Зазывали попробовать, купить еще горячую выпечку. Бартеро вяло отмахивался от их приставаний, торо-

пясь к зданию Управления.

Улицы полнились людьми, по проезжей части сновали автo и вездесущие велосипедисты, на приземистом здании впереди двое рабочих закрепляли вывеску парфюмерной лавки, левее гудели экскаваторы, медленно ворочали башни долговязые строительные краны, возводя очередную высотку по гатурьему проекту...

Несмотря на мелкую морось, почти никто не потрудился раскрыть зонтик, в Равидаре подобная погода – норма, привыкли. Бартеро пригладил растрепанные ветром волосы, собрал их в короткий хвостик и надел капюшон. Смешно, но куратор полярной экспедиции жестоко мерз в относительно теплой столице Спиры.

– Господин, почищу ботинки всего за четвертушку! – Путь молодого человека преградил вихрастый паренек в клетчатой рубашке, натянутой поверх свитера.

Бартеро окинул задумчивым взглядом свои лакированные туфли и прошел мимо.

Через три дня начинается вторая экспедиция на ледяную землю Данироль. Предвкушая путешествие, ее куратор Бартеро Гисари толком не отдыхал уже неделю, перепроверял бумаги, планы, раздумывал – какое еще снаряжение понадобится для разморозки древнего города. Не забыл ли что важное?

Когда он обессиленно отключался под утро, порой прямо за заваленным бумагами столом, во снах оказывался среди

льдов. Там, где солнце кажется ярко-розовым стеклянным шаром в светло-голубом небе, подернутом полупрозрачной вуалью облачной дымки. Где в воздухе постоянно пляшет взвесь ледяных кристалликов, сверкая и искажая восприятие, поэтому дальше-ближе порой меняются местами, обманывая доверчивых людей.

Суэта в Управлении улеглась, службы ушли на обеденный перерыв, и капитаны тоже разбрелись по близлежащим забегаловкам. Поднявшись в приемную, Бартеро не обнаружил секретаря – наверняка тоже на обед отпросилась. Дверь в кабинет оказалась приоткрыта, из-за нее доносились голоса адмирала, наставника и кого-то еще, кого Бартеро не знал. Решив подождать, пока этот третий закончит и выйдет, инженер присел на стул.

Тихо тикали тяжелые настенные часы с крылатыми конями, на столе секретарши мигал фонариком на шапочке грустный клоун...

Вначале Бартеро не прислушивался к разговору, покачиваясь на волнах своих мыслей, ленивых и размеренных. Сердцем он уже далеко – среди сияющих на солнце айсбергов, морских котиков и чаек – стоял на капитанском мостике «Смелого», вдыхая колючий ветер заколдованной земли Данироль... Но постепенно яркие образы истаяли, и содержание беседы гатуров захватило его.

– Нужно приступить к третьей серии генетических опытов. Образцы второй серии уже доказали свою жизнеспособ-

ность, – произнес незнакомец. – Несмотря на то что они были воспитаны в земных семьях, будучи подмененными при рождении, их интеллектуальный потенциал значительно выше, чем у людей, хоть и уступает нашему.

– Помилуйте, мы и так взяли самое лучшее от людей и гатуров. Вы хотите, чтобы эти новые существа превзошли нас? – возражал адмирал.

– Не превзойдут. Некоторые уже дали потомство. Оно ничем не отличается от потомства обычных людей. Ни умственным развитием, ни реакциями, – заверил его наставник.

– И все же я бы вас предостерег, – упорствовал адмирал. – Люди – чересчур агрессивные существа. Мешать их гены с нашими – чрезвычайно опасно. Хотя я вынужден признать, что ваш воспитанник, этот Гисари, получился весьма одаренной личностью.

Дальше Бартеро уже не слышал. Он просидел несколько минут без движения на стуле, безразличный к окружающему миру, точно растрескавшаяся от времени статуя. Но нашел в себе силы стряхнуть оцепенение, вышел на улицу, ловя ртом сырой воздух, пытаясь хоть как-то успокоиться, опасаясь вызвать подозрения у наставника.

Он плохо помнил, как в третий раз поднялся в Управление, как подписывал бумаги, шутил с возвратившейся с обеда секретаршей. Потом, словно голодный волк, кружил по городу, распираемый новым знанием. Ему нужно было вы-

говориться, а подходящих собеседников не попадалось.

Будто стеклышки в детском калейдоскопе так и сяк складывались воспоминания. Он оценивал каждый поступок, и все больше убеждался в правильности своих выводов – он дитя гатуров. НЕЛЮДЬ.

Он умел слишком много для обычного человека. В древности такие способности приписывали волшебникам. Его чересчур заботливо опекали в гатурьей школе, ревностно следили за достижениями, ограничивали общение с семьей.

Семья... Красавица-мать, медсестра в городской больнице, отец – крупный издатель. Это благодаря ему Бартеро не был стеснен в средствах, мог капризничать, тянуть с экспедицией, выжидая наилучших условий. Строгое воспитание в детстве, обернувшееся удивительным, похожим на игру обучением в школе пришельцев со звезд, заботой наставника Наридано, так и не заменившего ему отца. Сейчас обе части его жизни казались хрупкими хрустальными сосудами, готовыми разбиться при любой неосторожности. Как справиться с новым знанием? Как убедить себя, что он ослышался, ошибся, и жить в счастливом неведении дальше?

К вечеру измотанный, шатающийся от усталости, он вспомнил про старого знакомого – Габриеля Мидару, не близкого друга, но человека достаточно влиятельного, способного разобраться в столь деликатном вопросе, как опыты инопланетян над людьми.

У этого человека была собственная газета. И собствен-

ная политическая партия. Правда, про его роль в ней знали немногие. Официальным лидером «Добрых перемен» являлся Орландо Жисас. Но без одобрения Габриеля политик не имел права молвить и слова. Сам же Мидару, дабы не подставлять себя под возможные удары недоброжелателей, во всех документах числился только редактором речей. Тем не менее финансовые потоки неукоснительно проходили через его людей.

* * *

Бартеро позвонил в дверь приятеля, когда улицы поглотила вязкая тьма ненастного вечера, а тягучий дождь перешел в ливень.

– Давай же, открывай, – прошептал Бартеро кожаной обивке двери. – Я знаю, ты там, ты один. Помогите.

Щелкнул замок, и на пороге появился хозяин – невысокий мужчина с продолговатым лицом, широкими скулами, чуть приплюснутым носом и желтоватой кожей, выдававшей герийское происхождение.

Носил он короткую стрижку и не закрашивал седину, несмотря на моду последних лет. В свои тридцать пять Габриель выглядел на все пятьдесят, но несколько этого не стеснялся. Он легко выделялся в толпе, поскольку он слегка прихрамывал на левую ногу, носил очки в толстой оправе и с толстыми стеклами без диоптрий, клетчатый галстук и вяза-

ную жилетку.

– Вот уж не ждал, – с едва уловимым акцентом произнес Габриель, изучая позднего гостя. – Заходи, бродяга. Попрошаться?

– Пожаловаться, – невесело ответил ему Бартеро. – Должен я хоть иногда портить жизнь добропорядочным гражданам!

– Снимай плащ и ступай в кабинет, недоразумение ты мое. На пороге такие разговоры не ведут, – скомандовал хозяин.

Как бывший журналист, Габриель предчувствовал сенсацию. Ведь именно его газета опубликовала первое интервью с «отважным покорителем Южного полюса». Теперь этот покоритель едва живой приплелся в его квартиру, ищет поддержки и сочувствия. И скорее всего, дело не в любовных переживаниях (некогда Бартеро обзаводиться подружками, по миру мотается, дела важные делает), а в чем-то гораздо более серьезном, а значит, выгодном.

Гость послушно вошел, долго возился с пуговицами дорожного серого плаща, нетвердой походкой добрался до кабинета и уселся прямо за стол хозяина. Тому подобное безобразие не пришлось по душе, но он смолчал. А потом и вовсе позабыл, ибо гость рассказал тако-о-ое, от чего волосы на голове Габриеля зашевелились. Если сказанное действительно правда, тогда... Нет, обдумывать варианты рано, пока нет доказательств.

– Так ты не разыгрываешь меня, Бартеро? – осторожно

спросил он. Но гость был чересчур поглощен своей бедой.

– Ты не представляешь, что значит узнать – Я НЕ ЧЕЛОВЕК! – сокрушался он. – Что те люди, которых я считал своими родителями, всего лишь воспитали меня: подменыша, кукушонка!

– Откуда... – начал было Габриель, но друг его перебил:

– Подожди, не торопи, дай я скажу! Оно у меня здесь горит, это знание! – Бартеро постучал себя по груди. – Я всю жизнь жил, удивляясь своим способностям, гордясь ими. А теперь как мне смотреть в глаза людям? Как мне на себя смотреть в зеркало? Я не человек! Я не был похож на своих родителей. Отец у меня смугл и черноволос. У матери темно-русые волосы. Откуда я такой белый? Я не альбинос. Отец всю жизнь подозревал мать в измене, ко мне был холоден. Когда меня в двенадцать лет забрали к себе гатуры, мне казалось, он вздохнул с облегчением. Когда мне исполнилось семнадцать, мне сказали, что родители умерли. Но сейчас я осознаю, их просто убили!

– А если ты ошибаешься? – вклинился в полный отчаянья монолог Габриель. – Ты слышал только обрывок разговора. Как ты можешь делать подобные выводы?

– Потому что я больше тринадцати лет прожил среди гатуров! Они еще не на такое способны, эти «спасители человечества»!

Гость уронил голову на руки, и хозяину показалось, что он плачет.

– Тогда поспи. Флорина уехала на съемки. В ее кабинете теперь есть диван.

– Разве я смогу спать? – не поднимая головы, спросил Бартеро. – Пока не узнаю правды, какой теперь сон!

– И что изменится, если узнаешь? Тебе станет легче или наоборот – хуже? Стоит ли эта правда того, чтобы так из-за нее переживать?

– Не знаю, – прошептал гость. – Я стал слишком слаб, Габри! Я ни на что не гожусь.

– Чушь. Ты просто устал. Мерзнешь на Данироль, дома не бываешь. Одумайся и успокойся. Если не придешь в себя, провалишь контроль лояльности перед очередной экспедицией. И у тебя будут еще большие неприятности.

– Знаю, – гость встал. – Пожалуй, ты прав. И я действительно должен сейчас успокоиться. Попробую заснуть. Целых два года тянул с новой экспедицией, вот и получил «подарочек» от учителей!

– Иди-иди, – поторопил его Габриель.

На пороге гость остановился. Неяркий свет лампы упал на его бледное красивое лицо.

– Спасибо, Габри. Прости, что я так...

– Брось, Бартеро, – махнул рукой Мидару. – Чудесных снов тебе.

Когда дверь за гостем затворилась, Габриель вновь разложил бумаги и принялся писать речь. Новое знание должно было улечься в его голове, «остыть». Тогда и идеи пойдут,

как его применить. А пока надо работать.

В тонкой фарфоровой чашке дымился свежесваренный кофе, на блюде скучал недоеденный бутерброд, а на занавешенной шторе рисовала розоватым светом овал настольная лампа. Главный редактор влиятельной газеты, не скрывавший своего презрения к печатным машинкам, размашистым почерком портил лист за листом, перечитывал получившееся послание, недовольно хмурил густые брови и, беспощадно комкая листы, отправлял их один за другим в стоявшую возле двери корзину.

Особой меткостью Мидару не отличался, и возле почти пустой корзины накопилась внушительная куча бумажного мусора.

* * *

Утром, когда в распахнутое окно врывалась какофония из чирикания воробьев под крышей, гудков автомобилей, крика торговки и мальчишек – разносчиков газет, а по квартире разлился соблазнительный аромат кофе, Габриель бесцеремонно растолкал разоспавшегося гостя и потребовал повторить вчерашний рассказ.

– У тебя нет доказательств, – редактор задумчиво почесал плохо выбритый подбородок, когда Бартеро договорил. – А если они существуют, то спрятаны в какой-нибудь лаборатории, которая может находиться где угодно, – он щелк-

нул пальцами. – Есть еще архив Первопланетного Дома, резиденции Сириуса на Земле!

– Только навигаторы имеют туда доступ, – вздохнул Бартеро.

– Слушай, сколько я тебя знаю, ты постоянно принижаешь свои достижения. Ты далеко не простой инженер. Тем более сейчас ты куратор экспедиции. Кстати, куда ты сейчас направляешься?

– Опять на юг. В вечные льды, – он усмехнулся. – Вечные, благодаря гатурам.

– Но заметь, какую пользу они приносят, эти гребнеголовые. За двести пятьдесят лет их присутствия не было ни единой крупной военной стычки, – добавил Габриель.

– Зато всякая гадость повылезла наружу.

– Она была всегда, – справедливо заметил Мидару.

Глаза Бартеро сверкнули.

– Я знаю, как разоблачить гатуров!

– Как?

– Через таких же наглых и беспринципных существ, как и они. Подлец способен обмануть подлеца. Ты упоминал, будто знаешь самого Итеро Кинса.

– Усача?

Габриель усмехнулся. Вовремя этот парень напомнил про гангстера. Ой как вовремя.

– Не лично, – поспешил добавить владелец «Пульса Спиры». – Партия имела с ним дело. По его заказу мы протащи-

ли закон о смягчении санкций за сверхлимитную торговлю алкоголем. Только я бы не сказал, что он подлец. По сравнению с остальными, он просто благородный рыцарь.

– Почти благородный... Так пусть он нам поможет, – обрадовался Бартеро.

– Как?

– Снимет копии с архивных документов. У него наверняка есть связи с резиденцией.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Габриель, внутренне возликовав. – Возможно. Но это не дело одного дня. Тут подумать надо как следует. А идея хороша, – оценил он. – Я пошлю людей разузнать обстановку. Назначу встречу... – он взлохматил волосы на затылке. – Кстати, ты когда уезжаешь и насколько?

– В конце недели. Где-то на четыре месяца. А там как пойдет.

– К твоему возвращению все документы будут у меня. Возможно, я уже дам делу ход.

– Я знал, что ты поможешь!

Оставшись один, Мидару взялся было за телефонную трубку, но передумал. Из дома звонить безумие.

Но идея хороша. Ой, как хороша! К тому же у Габриеля были свои мотивы разобраться с чужаками и их верными подпевалами.

Через три дня, как раз когда Танри поступала в Академию, Бартеро без сожалений смотрел на удаляющийся Равидар с борта «Смелого». С гор сползли тяжелые тучи, навалились на город косматыми животами, щедро поливали дождем его широкие проспекты.

Ненастью до «Смелого» уже не дотянуться. Над ледоколом в облачные разрывы проглядывало солнце. Разве что ветер поднялся, норвя распахнуть плащи моряков, кинуть в лицо соленые брызги. Хотя разве мог он испугать тех, кто прошел южные широты, многие месяцы провел на ледяной земле Данироль и теперь снова стремится постигнуть чудеса далекого континента?

В голову лезли разные мысли – все меньше о гатурах, больше – о ледяной земле, развалинах, местных жителях – обитателях побережья – охотниках и рыбаках, о девочке-дикарке Тинри. Малявка привязалась к нему за те дни, пока он готовился к путешествию вглубь континента, выжидал нужной погоды. Ходила хвостиком, расспрашивала о «зеленой земле», куда мечтала попасть, рассказывала поверья и предания своих диких сородичей, давала дельные советы, как вести себя в метель и морозы. Советы, которые, между прочим, дважды спасли Бартеро жизнь.

За девочку он корил себя до сих пор. Он был для ее со-

племенников чужаком, как гатуры для людей. Своим вниманием к крохе он приговорил ее к гибели. И эта вина грызла его душу с жадностью голодной крысы, пробравшейся на заполненный зерном элеватор. Из-за него, чужака с «зеленой земли», малышку принесли в жертву ледяным демонам. А он опоздал всего на день, задержавшись в размороженном городе.

Нет, она жива. Его тщательно развиваемое гатурами чутье подсказывало – жива! Только не мог определить, в какие края ведет это чувство. Что за сила утащила ее у него из-под носа?

Зачем он ждал столько времени? Почти два года! Прозябал на Спире, ворошил отчеты прошлой экспедиции, доказывал адмиралу и его помощникам необходимость новых исследований. Как бы выразился прямолинейный Эдвараль – чесал спину пяткой. Почему он не искал Тинри, как собирался вначале? Некогда было. Проклятье! Всегда некогда!

– Я найду тебя, маленькая. Я переверну весь мир, но я найду тебя! Хотя бы для того, чтобы спокойно спать, чтобы не нести груз твоей загубленной жизни на своих плечах! Вот вернусь из экспедиции и отыщу.

* * *

Бартеро уплыл, не представляя, какие силы растревожил на Спире. Нанятый Габриелем Мидару для поиска гатурье-

го архива знаменитый Итеро Кинс взялся за дело всерьез. Никакие запреты и преграды, будь они даже возведены могущественными инопланетянами, не могли остановить этого человека, ведь Итеро, будто сорняк, прорастал в любых условиях, на любой почве. Его настоящего имени не знали самые близкие люди, кроме Лайва, пожилого советника. Он-то и отвечал за переписку мафиози с матушкой.

В день, когда после трехмесячного расследования Итеро должны были принести заказанные Gabrielem бумаги из Первопланетного Дома, Лайв, прозванный охраной Усача Торопыгой за медлительную тяжелую поступь и шумную одышку, остановил новенькое авто модной марки, но уже с подбитой задней фарой, у высоких металлических ворот особняка Кинса. Миновав обширный розовый сад, зимой почти не цветущий, он вошел в двухэтажный богатый дом.

Итеро дожидался советника у камина, развалившись на белоснежном кожаном диване. Он обреченно взял письма, просмотрел даты на почтовых штемпелях, выбрал первое по давности и приступил к чтению. Через полчаса, порядком утомленный от бесконечных сетований матушки на его невнимание, неважное здоровье, своего повзрослевшего воспитанника и приемную дочь, он встал и налил себе целый стакан вина. Выпив его залпом, он повернулся к Торопыге:

– Знаешь, Лайв, почему я сбежал из дома?

– Ты мне это уже рассказывал, – флегматично заметил советник.

– Да, помню. Неудивительно, что от драгоценной мамочки удрала и моя новоиспеченная сестрица.

– Как она, кстати? – чувствуя, что шефа посетило сентиментальное настроение, спросил Торопыга. – Там же учиться?

– Делает успехи. Еще и навигатором станет. Представляешь, сестра Усача Итеро работает на гатуров! Ужас! Надо за ней присматривать, может, пригодится.

– Отправить кого-нибудь на Вису? – осведомился Лайв.

– Не сейчас. Ты иди, погуляй. А мне ответ писать придется. Кто знает, когда еще момент представится. Не напишу – моя удивительная матушка волне может собраться навестить своего несчастного сыночка, – выпроводил советника Кинс.

Сев за стол, он принялся придумывать письмо, сопровождая каждый абзац ядовитым мысленным комментарием.

Милая мамочка!

Прости, что долго не отвечал. Я слишком был загружен работой эти четыре месяца, приходил домой за полночь и валялся с ног. Ты же знаешь, для таких неудачников, как я, с работой на Спире не все гладко. Платят немного, за любой проступок могут выгнать. Я по-прежнему выполняю обязанности счетовода в магазине, а также подрабатываю по мелочам, когда грузчиком, когда маляром. Берусь за любую работу, в надежде скопить на свое жилье.

«Да, милая мамуля, – застаревшая обида еще давала о себе знать. – Получай, что хотела. Считала меня хроническим

неудачником, наслаждайся теперь!»»

С жильем у меня по-прежнему плохо. Недавно в моей тесной комнатке в социальном приюте протек потолок. Пришлось потратить на ремонт целых тридцать монет, а это моя зарплата за неделю.

А то, чего доброго, действительно выполнит свою угрозу и придет погостить. Про все четыре особняка, несколько квартир в различных городах Спиры знать ей абсолютно необязательно. Тем более, про трех любовниц, постоянно проживающих с ним под одной крышей.

С визитом в Шанбаре тоже пока не получится. Сама знаешь, дирижабль до Висы летит пять-шесть дней, а мой отпуск всего четырнадцать. Может быть, если не возьму его в этом году, сумею выбраться к тебе на следующий.

Поцелуй за меня Танри. Я рад, что хоть эта приемная сиротка может оправдать твои надежды.
Твой Ито

Пробежав глазами написанное, чтобы проверить – не переборщил ли он, Усач ухмыльнулся. Что ж, вышло неплохо. Мамуля останется довольна.

Не то чтобы он не любил свою родительницу. Напиши Вирия, что с ней что-то не так, он бросил бы все и сразу примчался. Но раз у матери есть крыша над головой и терпеливые слушатели, пусть лучше она живет где-нибудь подальше. Например, на другом континенте, раз уж гатуры не пускают

людей на дальние планеты.

Вначале он честно хвастался своими успехами. Приезжая домой, с затаенной надеждой ждал: вот сейчас она меня оценит, поймет, будет гордиться сыном! Но каждый раз Вирия находила повод к чему-нибудь придраться, и ее сын чувствовал себя законченным идиотом без всяких перспектив в жизни. Чем больше он взрослел, тем отчетливее проступали в Итеро отцовские черты, и все меньше принимала его мать.

– Да что ты за человек такой неправильный?! Посмотри на сына Амары, посмотри на близнецов Ферис! Все выросли людьми толковыми. У каждого свое дело, родителям помогают, при семье. Нашел бы и ты девчонку ладную, поселился рядом с матерью, делом бы занялся. Куда тебя нечистый все несет? Страны ему дальние подавай, как папаше твоему, чтоб ему пусто было! Здесь что, еда горчит или девицы страшнее? – заводила она каждый раз свою любимую песню, стремясь привязать выросшего сына к родной калитке. Не получалось.

Поняв, что родительницу не переубедить, Кинс оставил попытки помириться с ней, ограничившись одним – двумя письмами в год, где мстительно расписывал, как отвратительно ему живется. Тем самым он давал Вирии полное право сетовать всем и каждому, что сын не оправдал ее надежд. А потом начались дела с контрабандой... Не делиться же, в самом деле, с матерью такой информацией!

В последние годы Вирия стала сдержанней, спокойней,

требовала внимания к себе, настойчиво звала в Шанбаре, но мальчик Ито Комидари уже давно превратился в Итеро Кинса, Усача Итеро, и пути назад не было.

Усач запечатал конверт, написал адрес и спустился обедать.

К семи часам вечера с отчетом о проделанной работе прибыл его поверенный Зий Релете. Сегодня он выглядел весьма озадаченным.

– Слишком странные вести я принес, шеф, – признался он. – Парни, проявлявшие пленки и печатавшие фотографии, потрясены.

– Что там? – Усачу не терпелось. Он не пытался скрыть любопытства. То, что гатуры балуются чем-то противоестественным, он и так знал от своих людей в Первопланетном Доме. Правда, тогда его шпионы занимали слишком незначительные должности. А стоило им получить повышение, открывавшее доступ даже к архиву, тут же нарисовался политикан Мидаару и потребовал весьма интересную информацию.

– Посмотрите сами, – Зий поставил на круглый столик внушительных размеров чемодан, повернул ключ в замке и распахнул обитое красной материей нутро перед шефом.

– Неплохо поработали, – пробормотал Кинс, глядя на ворох фотографий, разложенных по картонным папкам.

– Здесь более пятидесяти документов, – принялся объяснить Зий. – Двадцать из них по геолого-разведывательным

работам и добыче ископаемых – годовые и месячные отчеты, планы разведки. Это не все, что там есть, но на остальное не нашлось ключей. Слишком сложны замки и высока защита.

– А остальные тридцать?

– Двадцать четыре – как раз сведения об опытах. Так называемый проект «Очищение», – в голосе Зия послышалось волнение. – Шеф, оказывается, часть гатурьих воспитанников – не люди. Нам удалось раздобыть несколько фамилий и биографий тех выродков. Кое-кого, кто не оправдал их доверия, они сами же убирали. Мы сфотографировали все бумаги по этому вопросу – все, что было на человеческом языке. Но это данные самое позднее десятилетней давности. Остальное рассовано по сейфам, либо написано их буквами. Кое-что в машинах памяти, которые наши люди не умеют включать. Мы не стали тратить время.

– Хорошо. Пока достаточно. Я посмотрю. А еще шесть папок, что в них? – Кинса разбирало любопытство.

– Мы решили, вас это тоже заинтересует. В двух – перечень обычных людей с необычными способностями, так называемых волшебников. Они на особом учете у гатуров. В четырех остальных – протоколы недавних совещаний по экспортной политике, кое-какая информация по крупным гатурьим шишкам, даже по адмиралу Фегинзару.

– Благодарю. Можешь быть свободен. Я прочту все и скажу, какую именно информацию копировать для политикана.

Зий ушел, а Итеро Кинсу предстояла бессонная ночь. Бу-

мага за бумагой он изучал свидетельства величайшего обмана человечества пришельцами со звезд. И все больше убеждался – с этим нужно что-то делать!

Ага, вот самое неопровержимое доказательство вины гребнеголовых! Прочитав его в первый раз, Кинс почувствовал, как вспотели ладони.

*Нарису, начальнику безопасности населения
Земли от руководителя экспериментальной
группы 426 по проекту «Очищение»
от 01.08.238*

*Предварительная записка
Подготовительные этапы эксперимента:
22.01.217.*

Закладка образцов: 17.05.221.

*Выведенные лабораторным путем создания были
внедрены в людские семьи, чьи дети появились на свет
мертворожденными с 03.02.222 до 21.02.222.*

*В ходе периодических наблюдений установлено, что
объекты:*

*– по внешним и внутренним параметрам отличий от
обычных людей не имеют;*

– по всем показателям здоровы;

*– обладают большим порогом болевой
чувствительности, чем обычные люди;*

*– имеют интеллект значительно выше
большинства людских образцов;*

*– инициативны, но чаще мечтательны, склонны
к чрезмерному анализу своих поступков и поведения*

других людей;

– быстро мобилизуют людские ресурсы для выполнения поставленных ими задач;

– в 14 случаях у объектов выявлены слабые способности к телепатии и целительству.

Итого по первой серии было создано 72 образца, из них жизнеспособными оказались 51; из них:

– годны к дальнейшему обучению – 22 (список прилагается);

– не подлежат сотрудничеству и приравниваются к прочему гражданскому населению – 29.

Кинс протер глаза и вздохнул – этим беднягам сейчас должен быть тридцать один год.

Отыскав папку с личными делами подопытных, он обнаружил, что из двадцати двух обученных выжило семеро. Остальные не дотянули до двадцатилетия. Знакомых фамилий он не нашел и среди тех семерых. Если они еще живы, то на публике не появляются. Во всяком случае, на Спире.

В документах упоминалось, что намечалась вторая серия опытов в 226 году. Результат появился бы на свет в 227 году. Сейчас им было бы лет по двадцать пять. Для кого старается Мидару? Не для своей же смазливой жены. Она моложе. Самому политикану сейчас тридцать пять. Не подходит. Надо выяснить. Кинс сделал пометку в блокноте.

С папкой, озаглавленной «Волшебники», он просидел довольно долго, изучая список на полторы тысячи фамилий. Мелькали и знакомые, засветившиеся в политике или искус-

стве. Фигурировал там один ученый. (Не то чтобы Итеро интересовался наукой. Ни в коем случае! Просто недавно тот химик обращался к Усачу с просьбой подделать завещание дядюшки в его пользу.)

«Взглядом останавливает кровь. В состоянии ярости в радиусе десяти шагов вызывает бесконтактные раскачивания и передвижения мебели и других предметов», – значилось в графе «Возможности». В соседней графе «Перспективы» стояла запись: «Сотрудничеству не подлежит».

Так для чего это Габриелю Мидару? Про геологическую разведку его партия давно трубит в Парламенте, требуя изменения законов. Но заявление об опытах над людьми чревато. Гатуры не простят, допытаются, кто снабдил информацией. И самому Мидару не улизнуть от их гнева.

Кинс задумался. Ему захотелось, чтобы эти шокирующие сведения дошли до общества. Люди не скот, чтобы заниматься улучшением их породы. Нет, этот политикан – умный человек. До чего-нибудь он додумается. Решено, надо назначить с ним встречу.

Они увиделись на следующий день в специально закрытой по такому случаю кофейне.

Из огромного окна просматривалась почти вся широкая набережная с сероватым зданием городской управы на другом берегу. По реке сновали прогулочные катера. Возле моста замерла ремонтная машина, перекрывая большую часть дороги.

«Это чтобы за нами меньше наблюдали», – догадался Мидару.

Усач помешивал ложечкой остывающий кофе, не удосужившись его попробовать.

– Как ты хочешь поступить с информацией, за которую платишь? – был первый вопрос Кинса. – Она слишком опасна.

Мидару, полистав фотокопии, сосредоточенно молчал. В его голове один за другим просчитывались варианты.

– Информация будет обнародована, но так, что ни на одного из нас не падет тень подозрения, – уверенно заявил он и принялся излагать свой план.

– Это будет стоить еще сто тысяч, – выслушав предложение Габриеля, вымолвил Итеро.

Его устраивал такой исход дела. Тем более, если политикан прав, со временем можно сорвать неплохой куш.

– Кстати, если не секрет, – Усач подался вперед. – От кого ты знаешь про опыты?

* * *

Началось все не с сенсационных статей в некоторых печатных изданиях Спиры, и не со странных посылок, так взбудораживших журналистскую братию. Началось все гораздо раньше. На излете зимы в Первопланетном Доме в помещениях архива был найден мертвым Эшев Роуз – секретарь на-

местника Земли. Его убила сработавшая система защиты одного из сейфов.

Незамедлительно прибывшая на включившуюся сигнализацию охрана обнаружила рядом с телом фотоаппарат с почти целиком отснятой пленкой, подделанные ключи от доброй половины сейфов и пропуск в ту часть помещений, в которых погибшему делать было абсолютно нечего.

Когда информация дошла до наместника и адмирала Фегинзара, разразился тихий скандал. Почему тихий? Потому что дальше нескольких высокопоставленных гатуров и приближенных к ним людей он не распространился.

Но Фегинзар инициировал тотальную проверку персонала, тем более что при обыске в доме погибшего Роуза были обнаружены негативы и напечатанные фотокопии личных дел кое-кого из гатуров и их учеников. Выяснилось также, что ключи, с которых были сделаны копии, принадлежали утонувшему месяц назад сотруднику архива.

– Давайте теперь вообще ничего запирать не будем! Откроем все замки, устроим из архива вокзал, позовем туда бродяг! – бушевал адмирал. Красный гребень на его голове подрагивал, будто у бойцового петуха перед поединком, острый нос от возмущения двигался из стороны в сторону.

Кому понадобилось рыться в архивах – Фегинзар недоумевал. Чтобы уничтожить кого-то конкретного – слишком велик риск. Кто отважится на такое? Неужели Роуз был шпионом Союза Мстящих, террористической организации, с ко-

торой гатуры боролись с первых дней прилета на Землю? Но выяснить, какая еще информация была похищена, не представлялось возможным. Пока...

Пока редакции всех крупных газет и журналов Спиры, а также более-менее известные журналисты не начали получать посылки с весьма интересной информацией. Кто-то отнесся к ней как к неуместному розыгрышу. Кто-то воспринял серьезно, но испугался и тут же сдал необычные документы сыскарям. А кое-кто погнался за сенсацией и осмелился посвятить ей статью. Волнующие рядовых граждан заголовки «Человекогатуры», «Человеческие дети звездных отцов», «Искусственные люди» замелькали в бульварной прессе.

В тот день, когда посылку доставили в «Пульс Спиры», Габриель Мидару был занят другими делами и в редакцию попал уже после трех. Привычная суэта в коридорах перед выходом нового номера газеты действовала на него успокаивающе. Вот только редактор новостной колонки и двое ведущих журналистов о чем-то очень подозрительно перешептывались возле курилки. Посмотрев на их озадаченные лица, Габриель поманил всех троих в свой кабинет.

– Что случилось, а я не в курсе? – После общения с главой собственной партии Орландо Жисасом он еще не окончательно пришел в себя, и тон его не отличался дружелюбием.

– Мы собирались еще вчера вам сказать, но вы внезапно

уехали, – за всех ответил редактор. – Вы наверняка слышали, что уже несколько дней всем засветившимся журналистам и редакторам приходят странные посылки с фотокопиями якобы из архивов гатуров.

Ни единая мышца на лице Габриеля не выдала его волнения. Кинс! Он таки выполнил свою часть договора, отработал вложенные деньги, обнародовав результаты шпионажа. И как аккуратно, не подкопаешься.

– Что именно пришло, дайте мне взглянуть, – только и сказал он.

Мидару хватило нескольких минут, чтобы убедиться – в коробке нет ничего такого, что не получил бы он.

– Я отнесу это сыскарям, – заявил он тут же. – Кто-нибудь еще подобные послания получал?

Журналисты подтвердили. Каждому на домашний адрес пришла такая же посылка. «В типографии они, что ли, размножали?» – подумал Габриель.

– Нам не нужны неприятности с гатурами. Мы ведь добропорядочное, престижное издание и желаем таковым оставаться. К тому же разве есть смысл перепечатывать то, о чем уже раструбила бульварная пресса? – заявил он своим подчиненным. Те, естественно, с ним согласились.

Глава 4

254 год от прилета гатуров. Данироль. Год спустя.

Экспедиция Бартеро Гисари

За стенами скреблось и мяукало, ныло и жаловалось на жизнь Нечто. Это Нечто у Бартеро язык не поворачивался назвать непогодой. Оно было громадным, живым, полуразумным...

Порой сквозь рваную ткань сновидений, насылаемых духами ледяной земли, инженеру чудилось, будто с каждым размороженным домом город все больше оживает, просыпается. И настанет день, когда будет высвобождено из вековых оков последнее здание. И тогда в мертвых домах снова зацветятся окна, зазвучат голоса.

Город пугал и притягивал одновременно. С тех пор как лагерь переместился с ледника на одну из городских площадей в проплавленном котловане, в нем стало тоскливо и неудобно. С каждым днем работ что-то безвозвратно изменялось вокруг. Сам воздух становился другим, незнакомым. Раздражительные из-за полярной ночи, холода и однообразной работы люди и так ссорились по несколько раз в сутки. А когда приходила метель...

Свет ламп в домике управления казался мертвенно-бледным. Так светят, наверно, огни на мачтах обреченных парусных судов в преддверии последней бури. И буря была готова

разразиться не только за стенами довольно прочного дома, но и в душе у куратора экспедиции. Когда в долгой полярной тьме часы отсчитали вечер, Бартеро снова почувствовал, что звереет.

На сей раз разбуженная ненависть избрала себе в жертву Эдваралю. «Он делает вид, будто читает, гад! А на самом деле за мной следит! Точно следит, репутацией своей клянусь! – заезженной пластинкой крутилась маниакальная мысль. – Следит, чтобы доложить о каждом шаге гатурам. Старый дурак!»

О чем доложить? О похожести дней? О перечитанных по третьему разу книгах? О тоске по дому, теплу, солнцу, зелени? Глупо. Здесь все в одинаковых условиях. И о гатурах думают в последнюю очередь. Вот только разгоряченное сознание инженера отказывалось это понимать.

Висерн и недавно присоединившийся к экспедиции Эрг молча играли в шахматы. Сегодня они чуть ли не до драки рассорились по какому-то пустяку и до сих пор кипятятся, несмотря на внешнее дружелюбие. Их недовольство и затаенная агрессия передавались куратору, в отсутствие других переживаний удесятеряться, разъедаю душу.

Находиться в одной палатке с напарниками не хватало сил. Еще чуть-чуть, и в голову ползут более опасные мысли. Бартеро Гисари оделся и нырнул в непогоду.

Метель залепляла очки, забиралась под маску. В силуэтах мертвых зданий чудились зловещие кривляющиеся фигуры.

В тоскливой песне ветра звучали детские всхлипы. Некстати вспомнилась Тинри. Она вынырнула из омута задремавшей совести игрушкой, затерявшейся в кармане. Странно, он хранил подарок дикарки почти четыре года, перекладывая из куртки в куртку. Маленькая костяная фигурка полярного пса...

– Держи-сь, это тебе от меня, для запоминалки, – прибежала она к нему как-то утром, прогуляв школу. – Сама вырезала-сь. Когда будеша далечо, вспоминай-сь меня. Мне будется теплей и радостней. Я почувствуюсь тебя, обещаю-сь...

Девочки не было на Данироль, Бартеро знал. Он умел чуть больше, чем его люди: безошибочно определял нужное ему направление (но не в случае с Тинри), мог понять – жив ли человек, находящийся далеко от него, или мертв, распознавал и исцелял некоторые недуги... Но здесь, на оледенелой земле, открывалось в нем нечто новое, непонятное и поэтому беспокоящее. Он превратился в губку царящих здесь эмоций. Оторванный от большой земли, он ощущал их особенно остро. Чаще он улавливал злые чувства, и это выливалось в его отношения с Эдваралем, Висерном и Эргом, на свое несчастье ютившимися с ним под одной крышей. Вот и сейчас завелся на пусто месте, чуть в драку не полез. Как тут местные всю жизнь проживают?

Повертев в руках фигурку, он потянулся к карману – спрятать обратно в тепло. Но неуклюжие перчатки... Эти уты-

канные мелкими шипами с тыльной стороны перчатки отка-
зались ее держать, выронили в снег.

И не смогли нащупать, сколько куратор ни разрывал су-
гроб, сколько ни светил фонарем...

«Пропала и пропала. Как и девчонка. Значит, не судьба
больше встретиться», – неумело успокоил он себя.

Он зашагал по улице, мимо вымерших домов. Один, хотя
сам запретил людям отлучаться в одиночку, после того как
бесследно исчезли четверо рабочих из прошлой группы, дав
пищу самым нелепым байкам про оживших мертвецов и ле-
дяных змей.

«Человек, оторванный от цивилизации, начинает одушев-
лять вещи, – думал Бартеро, вслушиваясь в вой непогоды. –
Темное Нечто за обманчиво надежными стенами жадно ра-
зевает дышащую морозом пасть. А мы закрываемся от нее
мишурой: брелоки, фотографии, “счастливые вещи” стано-
вятся оберегами, приравнивая нас к аборигенам на побере-
жье. Как та костяная собачка для меня...

А вдруг вещи взаправду наделены душами, как считают
дикари? Мы, дети городов, брезгливо высмеиваем открыв-
шиеся аборигенам тайны. И лишь сами оказавшись вдали
от цивилизации начинаем постигать сущность собственных
творений, стыдливо прячем глаза, боясь признать явное. Мы
– часть бурлящей, кипящей энергии, составляющей Вселен-
ную, и на крошечные доли мгновения обретаем осязаемую
форму. Дунет ветер Вечности – и нас нет...»

Он внезапно остановился, сделал глубокий вдох, сгоняя с себя внезапно накотившее наваждение. Куда он идет? Зачем? Обратно в поселок, к людям!

Он развернулся и зашагал навстречу ветру.

Вопреки всем планам, экспедиция тут почти два года. Ему помогает четвертая группа рабочих. Чего только они не обнаружили! Первой была машина молний – небольшой, отделанный под дерево ящик на колесиках, – испепелившая двоих, стоило задеть один из его углов.

Потом были картины, изображения на которых проявлялись только при свете полярных сияний; кресло, способное взлетать, как и платто гатуров. Оно поднималось на высоту в половину человеческого роста, зависало там, если постучать по левому подлокотнику, и опускалось, если по правому... Находок было множество, но понять, как они работают и для чего созданы, удавалось очень редко.

Уф! Вот и лагерь! Он почти испугался. Еще десять – двадцать минут во власти ветра и снега очистят его помыслы, и часа четыре он будет вполне спокойным.

С трудом пробравшись по высоким сугробам до ближайшего размороженного дома, он выключил фонарь, прислонился спиной к стене и погрузился в размышления.

Кто он? Человек ли? Он вновь и вновь возвращался к подслушанному разговору. Может, он не так его понял? И как жить, если выяснится, что он – непонятное существо: не гатур и не дитя своих земных родителей?

«Кем бы я ни был, я человек!» – словно молитву твердил он про себя. Получалось неубедительно.

Чуть слышный, серебряно-чистый звон бубенцов вдруг оторвал его от мрачных дум. Звон? Здесь, за многие-многие дни пути от базы?

Летающий почти параллельно земле снег на секунды за клубился, собираясь в размытые силуэты собачьей упряжки, сторбленную фигуру в санях и бегущих позади людей в коротких полушубках. Нет, снова ветер шутит. Снежные хлопья взметнулись, стирая видение, за клубились, осели. Никого... Но Бартеро отчаянно захотел оказаться в укрытии. Дверь дома темным пятном вырисовывалась на фоне более светлой стены.

Щелкнув выключателем фонаря, он вошел внутрь. Обледеневшие стены замерцали зеленоватым, чуждым людям огнем. Отголосками оборвавшихся жизнью проступали такие знакомые предметы быта: стол, завалившийся набок, когда вода хлынула внутрь; шкаф, в котором, помнится, обнаружили тряпичных кукол... Бартеро переходил из комнаты в комнату. Сейчас его взгляд словно проникал сквозь время, как луч фонаря в толщу прозрачного льда, преломляясь, рождая причудливые тени.

Еще одна дверь. За ней не до конца размороженная комната: узкий коридор, проплавленный во льду. Странно, он сильно потрескался от тепловых пушек.

Бартеро потрогал стену рукой. Верхний слой раскрошил-

ся. Тогда инженер надел металлическую перчатку, ударил кулаком. Еще и еще... Ледяная крошка охотно сыпалась под ноги. Еще удар... Куратор в ужасе отшатнулся. Из стены застывшей воды на него смотрела женщина. Некрасивая, но своеобразная – с крупным носом с горбинкой, выдающимся на плоском лице, круто изогнутыми дугами бровей.

Понимая, что нашел лишь несчастную жертву оледенения, Бартеро облегченно вздохнул, приблизился к ней, чтобы рассмотреть получше, и вновь заколотил по податливому льду, высвобождая пленницу, но вскоре убедился – предназначенная задержать скольжение перчатка абсолютно бессильна перед вновь ставшим твердым льдом. Хрупкие участки закончились. Со странным тоскливым чувством оставляя свою находку, Бартеро окунулся в метель.

Он стоял на пороге своего домика, когда вместе с бесприютным воем ветра донеслись крики. Дверь в одно из жилищ рабочих отворилась, и нечто огромное, черное, призраком нечистого унеслось в клубящуюся снегом темноту. Быстро, насколько это было возможно при таком ветре, инженер поспешил туда.

– Господин Гисари! – Покрытое кровотокающими царапинами лицо Свирта выглядело бледнее, чем у только что найденной утопленницы. – Господин Гисари, эта тварь чуть нас не разорвала! Помогите Ирзену, пожалуйста!

Повременив с разбирательством, Бартеро бросился к окровавленному человеку, с которого в это время срезали

рубашку. Рабочий пытался сдержаться, сжал зубы, но сдавленные стоны вырывались из его расцарапанной груди.

– Кипяченая вода есть? Быстро разведите антисептик! – Инженер уже склонился над Ирзеном. – И спирт! Да не ему. Мне руки ополоснуть!

Битье по льду не прошло даром. Пальцы неприятно зашипило.

– Держите его крепче!

Бартеро встал на колени и, поливая антисептиком вспоротую до костей плоть, принялся водить левой рукой над уже орущим от боли рабочим.

От напряжения из-под светлых волос стекали капельки пота, тошнотворным туманом накатила слабость, но Бартеро приказал себе не останавливаться. Как сквозь мутную воду, он различал слабое свечение на ногтях своих рук и на заживающей груди раненого.

С громким звоном лопнула лампочка на стене. Один из держащих Ирзена забубнил молитву, остальные, не отрываясь, смотрели на затягивающиеся тонкой розовой кожей страшные следы когтей. Если бы хоть кто-нибудь поднял глаза на товарищей, то увидел бы, как по их волосам струятся голубоватые искры...

Когда кровотечение остановилось, а истерзанные грудь и руки зарубцевались, Бартеро подозвал Свирта.

– Что вы, господин Гисари, вы же с ног валитесь, – робко запротестовал тот. – И вообще, это моя вина.

– Чья вина – потом разберемся. Иди сюда, – инженер собрался с силами. – Ляг и терпи. Ничего приятного не обещаю.

Через десять минут обессиленному куратору экспедиции уже протянули чашку разведенного кипятком сухого молока и плитку шоколада, а Свирт, перебиваемый товарищами, начал свой рассказ:

– Господин Гисари, я виноват. Я предложил ее разморозить и зажарить.

– Кого зажарить? – не понял Бартеро.

– Птицу. Ту огромную. Мы их постоянно находим. И сегодня одну нашли. А что? Мясо мороженое... Что ему при таком холоде делается?

– Выходит, ничего, – Бартеро задумчиво почесал натертую очками переносицу.

– Мы ее сюда принесли, разморозили, хотели ошипать и в печку сунуть, – добавил другой рабочий.

– Ирзен ошипывал.

– А она вдруг ожила!

– Набросилась на него! – принялись дополнять остальные.

– Выла жутко, – продолжал Свирт. – Пока мы очнулись, она Ирзена подрала. Я стал ее к выходу гнать, она и меня задела!

– Господин Гисари, тут сам нечистый был! Он в нее вселился! – слабо подытожил повеселевший Ирзен, укрытый тремя теплыми одеялами, но все равно дрожавший.

– Да не может тварь ожить! – закивали рабочие.

– Обычно не может, – подтвердил Бартеро. – Но я слышал, что в одной из гатурьих лабораторий после пятичасовой заморозки оживали мыши.

– Так то мыши, а здесь птица. Двести пятьдесят четыре года – не пять часов! – возразил Свирт. Ему очень не хотелось выглядеть виновным.

– Сегодня я нашел женщину, – задумчиво продолжал Бартеро. – Она вмерзла в лед. Что, если... – он поднял заблестевшие глаза на Свирта.

– Да, дамочка здесь пригодилась бы, – хохотнули за его спиной.

– Смотри, иная дамочка любого нечистого переплюнет по вредности, – рабочие развеселились. Напряжение постепенно покидало их.

– Господин Гисари, сделаем так, как вы скажете, – заверил его Свирт. – Куда идти?

– Подождите. Завтра этим займемся. Сегодня работали весь день, – Бартеро встал.

– День, ночь – все одно, – недовольно отозвались люди. – Полгода тьма!

– Ничего не поделаешь, – Бартеро надел шапку и маску. – Вот что, – вспомнил он. – Ирзен пусть отсыпается пару суток. Я сделал все, на что был способен. Но шрамы останутся. Если будут ухудшения, зовите меня или Висерна в любое время.

Он вышел в метель. Придушить давно никого не хотелось, но постоять на воздухе не мешало – силы быстрее восстановятся. Завтрашний день обещал быть интересным.

Ночью ему чудился чей-то шепот. Сумбурные яркие сновидения сыпались разноцветным бисером. Последнее, что инженер запомнил, были сани, запряженные крупными белыми собаками. Звеня бубенцами на упряжи, они неслись над заснеженной равниной, над морем с напозшими друг на друга, да так и смерзшимися льдинами. Всполохи оранжево-зеленого полярного сияния освещали им путь...

– Бартеро! – Висерн тряс его за плечо. – Бартеро, хорош дрыхнуть. Тут у нас такое произошло!

Он нехотя открыл глаза и сел на кровати. От высокого воротника шерстяного свитера шея нещадно чесалась. Голова после спасения Ирзена была пьяно-тяжелой и плохо соображала.

– Я сейчас.

Он вразвалочку прошествовал к умывальнику, освежил лицо. Лезть в кабинку автоматического душа не хотелось. Холодно и некогда.

Пока Висерн терпеливо ждал, когда куратор окончательно проснется, в домик ввалились Эдвараль и Эрг, сопровождаемые шлейфом холода.

– Поймаю лично, пристрелю! – только и бросил Эдвараль, стаскивая шапку.

– Что там?

– Зверюга какая-то прокрасалась на склад, раскурочила ближайшие к выходу ящики с консервами, потаскала мороженое мясо. Много. И самое подлое – метель следы подчистила! Внутри пару отпечатков разглядели – то ли собачих, то ли волчьих.

Обидно. Четыре дня назад трое саней с продовольствием прибыли с базы.

– Про птичку слышали? – Бартеро налил себе остывший кофе.

– Как же! Весь лагерь гудит, – Висерн порылся в коробке, доставая сигареты. – Но это не она склад разгромила, если, конечно, у нее не отросли проворные передние лапы.

– Не представляю, что за зверь забрался так далеко на ледник, – пожал плечами Бартеро, не переставая жевать.

– Мы же забрались, – Эдвараль выжидающе смотрел на куратора.

– Что? – поднял на него глаза Бартеро.

– Пошли тетку изо льда спасать. Вдруг и вправду оживет, – подмигнул завхоз.

Да, вести в маленьком лагере распространялись порой слишком быстро.

На высвобожденную изо льда женщину сбежались посмотреть все. Работа остановилась. Каждый считал своим долгом прокомментировать ее внешность и одежду.

Болотно-зеленое платье, похоже шерстяное, расширяющееся ниже колен, доходило до щиколоток, украшенных

широкими золотыми браслетами. Оголенные плечи и руки до запястий покрывали узоры татуировок. В ушах болтались многочисленные ниточки серег. Волосы были заплетены вначале в три косы, а те, в свою очередь, в одну.

– Прекрасный образец древней культуры! – ахнул их новый археолог.

С превеликой осторожностью женщину перенесли в домик и уложили неподалеку от включенной печи.

– Странно, она не плавала в воде, как другие трупы, не лежала, а сидела, словно ожидая своего конца, принимая его неизбежность, – Бартеро пристроился рядом с оттаивающей находкой, не чувствуя в ней жизни, но еще надеясь на чудо.

Пробравшийся в дом к начальству Свирт тоже наблюдал, лез с советами, как будто являлся величайшим специалистом по разморозке.

– Вы ее подергайте за волосы. Если больно сделать – точно очухается.

– Зверя так и не поймали. Я поручил делать обход складов каждый час, – доложил Эдвараль, присаживаясь рядом. – Смотрят по двое. Завтра составим график ночных дежурств.

– Может, и поможет, – Бартеро вздохнул. Он уже почувствовал – женщина не оживет, но не стал лишать своих товарищей возможности убедиться в этом лично. Сам он сбежал на свежий воздух.

Следующий месяц он работал как безумный, не допуская для себя поблажки, вместе с рабочими брался за тепловую

пушку и шел расчищать скованные холодом кварталы, проплавливал ходы во льду. Усталость не давала пути злости и раздражительности, гнала прочь тяжелые мысли. С ними уходила и полярная зима.

Все чаще показывающееся из-за туч солнце заинтересованно подглядывало за процессом, ревниво сравнивало – не соперничают ли лучи тепловых пушек с его собственными, любовалось освобождающимся городом, играя всеми цветами на тонкой наледи, успевшей образоваться на камнях после улегшихся метелей. Стайками сказочных фей взлетали снежинки, порхали в обнимку с ветром, липли к солнечным очкам масок рабочих.

Бартеро то и дело останавливался полюбоваться оживающим городом. Его улыбку под маской никто не увидит, и это хорошо. Ошеломляющая красота древней архитектуры влюбляла в себя с первого взгляда, будила, казалось, навсегда погасшие за суетой дней чувства.

«Люди должны знать, что они потеряли», – все больше убеждался инженер и сильнее сжимал в руках тепловую пушку, вдавливал курок, направлял поток жара на синеватый лед, коконом скрывающий очередной шедевр погибших зодчих.

«Тебе нравится моя вотчина?» – вдруг коснулась его разума мысль. Чужая мысль, колючая, шершавая, точно растрескавшаяся, пересохшая кожа.

Бартеро вздрогнул, обернулся. Никого. Рабочие трудятся

с другой стороны здания. Вокруг пустынный квартал богато украшенных каменной резьбой красно-коричневых и вишнево-лиловых высоких домов. С фронтонов и наличников свисает бахрама снега...

«Нравится, вижу», – прошелестело совсем рядом.

Солнечный луч скользнул по высящийся впереди глыбе льда. Миллионотом граней вспыхнула замороженная вода. А в глубине, точно на большом экране высветилась фигура человека.

Бартеро тихо охнул и отступил назад. Еще один утопленник? Как та дама? Нет, этот живой. Живой?!

«А ты не из робких, – продолжал свой монолог замурованный. – Я знавал одну такую. Она тоже меня не побоялась».

– Кто ты? Ты живой? – внезапно севшим голосом прошептал инженер.

«Я разговариваю с тобой, значит, живой», – резонно заметила фигура и пошевелилась. Теперь куратор мог разглядеть длинную шубу, круглую пышную шапку. Только лицо незнакомца оставалось в тени.

– Ты робот? – несколько осмелел молодой человек, переводя регулятор мощности пушки на максимум и нащупывая указательным пальцем курок. Если эта тварь во льду вздумает на него кинуться, ей несдобровать!

«Я владыка этих мест. Главный шаман, если хочешь, о маленький любопытный нечеловек. Ты забавен в своих стремлениях и терзаниях, но твой труд приносит мне пользу. Не

останавливайся в начинаниях, освобождай город. Нам об этом необходимо».

Бартеро вскипел. Что мертвец хочет сказать?

– Я человек! Слышишь ты, бред мой, я человек! Человек! – прохрипел он и потянул курок.

Струя огня впиалась в зашипевший лед, взрываясь облаками пара, мгновенно окутавшими куратора. Несколько невероятно долгих мгновений он стоял, замерев в клубящихся тучах, словно бог-громовержец, спустившийся на землю. Кажется, ему что-то кричали рабочие. Кажется, он сам кричал. А потом на него сверху посыпалось ледяное крошево. Только когда несколько довольно крупных кусков задели его, он очнулся, выключил пушку и выбрался из проплавленной пещерки.

– Шеф, ты что, сдурел? К жмурикам ледяным захотел? – накинулись на него рабочие.

Бартеро только фыркнул, отбросил в сторону пушку, сорвал маску и шапку и пошел прочь, жадно вдыхая обжигающий легкий воздух. А солнечные лучи высвечивали коричневатую кладку стены за тонким слоем льда. И ни намек на почудившегося незнакомца.

«Я совсем тут рехнусь! На север срочно! На родину! Месяц на завершение дел – и на родину! Пока я не окончательно соскользнул во тьму безумия».

За неделю до возвращения на побережье в лагере случилось очередное загадочное и пугающее происшествие. С

криками «Я видел его!» в домик начальства экспедиции вломился повар.

– Кого ты видел, отродье хорька? – Эдвараль, недовольный, что его разбудили среди ночи, сердито уставился на нарушителя своего драгоценного спокойствия.

Без маски на раскрасневшемся круглом лице, в съехавшей набекрень шапке, повар походил на растерянного ребенка, у которого отобрали любимую игрушку.

– Человека видел! Не нашего, не с базы и не из убогих с побережья! – затараторил он, сбиваясь с дыханья.

– С чего ты взял? – Эрг тоже проснулся, высунул из-под одеяла лысеющую голову.

– Одет он чудно. Я поначалу не просек, что не наш, окликнул. Болван! А ворюга возьми и исчезни совсем. Как и не было!

– Невидимым, что ли, стал? – заинтересовался Эдвараль, не прекращая зевать во всю бездонную пасть.

– Точно, господин Нивас, – закивал повар.

– Шеф, такое возможно? Или парня лечить надо? – Эдвараль повернулся к Бартеро.

– Вообще-то да. В смысле, возможно, – уточнил инженер, с опаской вспомнив свое недавнее видение. – Гатуры иногда делают специальные платто. Они не прямоугольные, а круглые. Несколько дисков внутри вращаются в разные стороны с периодически меняющейся скоростью. При этом вокруг гатура формируется поле, способное делать его невиди-

мым, – Бартеро приподнялся на локте, отчаянно борясь со сном. Вылезать в звенящий от холода воздух не хотелось ни за какие награды.

– Ни фига себе, коза родила ежа! – гыгыкнул завхоз. – Иди встречай, раз гребнеголовые пожаловали!

– Гатурам здесь делать нечего. А вот местным... Если предположить, что они уцелели... Не только те, что на побережье, а построившие город? – высказал безумное предположение врач.

– Не верю, Висерн, – Эрг потянулся и взглянул на часы. – Без четверти шесть. Еще полтора часа на отдых, потом будем разбираться, – вынес он справедливое решение. Происшествие происшествием, а когда полярная ночь четыре месяца, чтобы чувствовать себя человеком, следует соблюдать режим. Эрг застегнул спальный мешок.

– Иди спи, – согласился Бартеро, кивая повару на дверь. – Все, что хотели унести, унесли. Я как воспитанник гатуров тебе говорю, – и он накрылся с головой двумя одеялами (спальные мешки терпеть не мог), оставляя за Эдваралем обязанность закрыть дверь.

«Ему тоже почудилось, – успокаивал себя куратор, засыпая. – Холод, одиночество, отсутствие витаминов...»

Утром, озаренным яркими вспышками полярного сияния, выяснилось, что таинственный незнакомец наследил прилично. Значит, не на платто был. Но это почему-то не утешало.

Со слов повара куратор набросал портрет грабителя: рослого, в высокой рыжей шапке-колпаке поверх седых волос, в просторной шубе чуть выше колен и в узких штанах, из-под которых лихо закручивались вверх носы сапог или ботинок. Лица повар вспомнить не мог, как ни старался.

– Да, одежда у него интересная, – вслух размышлял Висерн. – Но не сказал бы, что особенная.

Когда рисунок был закончен, вернулись Эдвараль с Эргом. Они проследили путь незнакомца до выдолбленной во льду лестницы на вершину ледника и обнаружили – незванный гость словно растворился.

– Не улетел же он, в конце концов! – недоумевали рабочие.

Эдвараль костерил всю родню воришки до десятого колена. Эрг сосредоточенно молчал. Бартеро, наблюдая за рабочими, рассматривал их яркие куртки с оранжевыми нашивками, где значились имя, фамилия каждого и название корабля... Люди здорово поработали, жаль – придется оставлять полную загадок землю. Позволят ли ему гатуры вернуться? Да и сам он захочет ли? Особенно, когда узнает хоть что-нибудь о своем происхождении.

Нашел ли Габриель нужные документы? И обнаружили ли Тинри, ведь он просил знакомых моряков заняться ее поисками? Эх, что толку выматывать душу терзаниями? Все равно пора паковать вещи. От красот ледяной земли перерыв требуется.

Воришку больше не замечали. Но следы странных сапог все оставшиеся дни продолжали появляться на почтенном расстоянии от лагеря.

– Нас изучают, – продолжал настаивать на своем Висерн. – Мы отрыли их город, вот они и вылезли поглазеть на то, что потеряли.

– Чушь! Наверняка это одно из местных племен, которое мы не рассмотрели, – упорствовал Эдвараль. – Я восемь лет вел исследования на островах Суровых морей, мы здесь уже два с половиной года. Уж я-то знаю обычаи местных. Будь здесь действительно потомки строителей города, не за жратвой бы полезли, а нас перестреляли!

Бартеро сейчас было не до версий. Вымотанный двумя годами холода, он беспокоился о другом. Только что к нему подошли Эрг и Висерн, ответственные за радио, и «обрадовали» – «Смелый» не выходит на связь. Само радио вроде работает, но в эфире сплошной металлический треск, точно множество жестяных бабочек спрятались в передатчике и отчаянно рвутся на свободу.

– Может быть, там метель, или просто аппаратура отказала, – терялся в догадках Эрг.

«А если нет?» – предчувствие чего-то нехорошего не покидало куратора.

Собирались торопливо, шумно, часто ругаясь. Домики из утепленных панелей решили оставить – слишком был тяжел груз находок. В сани-тягачи усаживались люди. На са-

ни-прицепы грузили оборудование, хозяйственный инвентарь и ящики с собранными сокровищами.

Глядя на затихающую в лагере возню, куратор снова проваливался в невеселые думы. «Как изменится моя жизнь, узнай я, что действительно наполовину гатур? Крылья, что ли, отрастут или хвост? Зачем мне эти разбирательства! Хоть бы Габри ничего не раскопал...

Я сбежал от проблем на Данироль и нашел здесь свое дело, свой шанс. Или разморозка города – повод заглушить пустоту в сердце? Я один на целой Земле. Коллеги – это коллеги. Им не раскрыть душу. Родителей больше нет, да и с ними я не был близок. Наставник – сам гатур, чужой и высокомерный, всегда возводивший в общении пусть небольшой, но барьер. С любимой женщиной развела меня все та же Данироль. Да и вытерпит ли какая женщина столь продолжительные отлучки? Даже учительницы в благотворительной миссии не выдерживают здесь больше одной четырехмесячной вахты...»

– Шеф, хорош сентиментальные нюни пускать, ехать пора! – пихнул его кулаком в плечо бесцеремонный Эдвараль.

Путь к базе на этот раз вытягивался и петлял, словно льды не желали отпускать домой наглецов, покусившихся на вековой покой некогда затопленного города. Тягачи дважды ломались, прицепы переворачивались. Приходилось объезжать зияющие пустотой смерти трещины во льду. Одно радовало и давало силы: опостылевшая полярная зима закончилась.

Ненадолго появлявшееся на горизонте солнышко робко звало: «Пора домой!» Ему радовались льды, горделиво демонстрируя людям свою красоту: синевато-зеленые и серебристые великаны расправляли могучие плечи, тянулись к небу, переливались, сверкали ярче любых драгоценных камней, не нуждаясь в огранке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.